

ОЛЕГ ДИВОВ

ВЕЛИКИЙ
ДРАКОН
ПРОФЕССИЯ: ИНКВИЗИТОР

Профессия: инквизитор

Олег ДИВОВ

Великий Дракон

«ЭКСМО»

2015

Дивов О. И.

Великий Дракон / О. И. Дивов — «Эксмо», 2015 — (Профессия: инквизитор)

Шпионские игры кончаются плохо – по колено в крови. Блестящая комбинация земной разведки обернется угрозой всему человечеству. В капкан, поставленный на врага, угодят его создатели. А самые опасные мерзавцы на свете вдруг вмешаются в личную жизнь инквизитора Августа Маккинби. Так бывает, если игра началась задолго до твоего рождения и ты в ней – случайно. Поскольку игра должна кончиться войной, теперь это твоя проблема тоже. Следы ведут в самое закрытое государство галактики, которое земляне зовут Шанхаем, а его обитатели – Поднебесной. Молодой император, китайская мафия, три конкурирующие разведки, военная хунта Эльдорадо, тоталитарная секта и просто бандиты – неполный список тех, кто вовлечен в загадочную суету на шанхайской территории. И все они почему-то интересуются Деллой Берг. А игра, напомним, должна кончиться войной.

© Дивов О. И., 2015

© Эксмо, 2015

Олег Дивов

Великий Дракон

© Дивов О., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

– Да, Николай, спасибо, что навестили, – сказала я уже в пятый раз.

Фомичев хороший человек, но, когда хочет помочь другому хорошему человеку, становится чудовищно болтлив. Уже стоя на пороге, он вспоминал все новые и новые подробности. Ему думалось, что мне они важны.

Выпроводив его наконец, я вернулась в гостиную. Август сидел на диване и внимательно изучал подарок. Он уже рассмотрел его так и сяк, а теперь, кажется, обнюхивал. Подарок хранился в папке из черной натуральной кожи с золотым замочком и представлял собой фотографию на баснословно дорогой глянцевой бумаге. Фотографию молодого холеного китайца в форме полковника имперского космofлота. С дарственной надписью и автографом.

Я никогда не встречалась с этим китайцем, но, конечно, слыхала о нем. И много. Удивительно, что и он слышал обо мне. Вот так живешь и не знаешь, что твоя слава долетела до самого закрытого и таинственного государства в обитаемой Вселенной. Прямо до его сердца – императорского дворца.

Потому что молодой китаец, решивший, что я никак не обойдусь без его портрета, три месяца назад сделался законным императором Шанхая.

– Фотогеничный, – с оттенком похвалы заметил Август. – Не чета своим предкам.

Он бережно уложил фотографию обратно в папку, защелкнул замочек и выжидательно уставился на меня.

– Слушай, я понимаю не больше твоего.

– Ну, я-то понимаю довольно много, – сказал Август.

Вот спасибо, дорогой начальник, осчастливил, подумала я, теперь осталось дожидаться, когда ты мне все объяснишь – через год?

– Я абсолютно точно никогда не встречалась с ним. Даже если предположить, что он бывал за пределами Шанхая...

– Во-первых, бывал, во-вторых, тебя живьем не видел. Только в сети. Иначе зачем ему спрашивать Фомичева, красива ли ты.

– Этот момент меня беспокоит.

– А меня – несколько.

– Ну еще бы. Не твоя же внешность его занимает.

– Думаешь, он тобой интересовался как мужчина женщиной? Сомневаюсь.

– В остальных случаях внешность не имеет значения.

– Расскажи это декану факультета тактической разведки, – посоветовал Август. – Или декану филфака.

Ишь ты, босс изволил пошутить. Но ведь по сути он дело говорит. Все мои подруги – как на подбор хорошенькие и с правильными чертами лица. А на филфаке – сногшибательные красавицы, глаз не оторвешь, зачастую с отступлениями от классического канона, что делает их только ярче. Нас подбирали под разные задачи. Хотя вроде бы работа схожая: пудрить людям мозги.

– Внешность значима всегда, – сказал Август. – Делла, я не стал бы спрашивать у постороннего, как ему кажется, красива ли та девушка, с которой я хочу завязать отношения. И ни

один нормальный мужчина этого не спросит. Он соберет побольше картинок и составит мнение сам. А чужое мнение ему будет интересно, когда важно, чтобы женщину сочли красивой окружающие. Когда речь идет о какой-то пиар-акции. Думаю, император хочет предложить тебе работу, и она связана с публичными выходами. Кстати, именно поэтому он интересовался еще и твоей личной жизнью.

Я хмыкнула:

– Сомневаюсь, что сейчас гожусь для пиар-акций.

Я не напрашивалась на лесть. Конечно, если потрачу неделю на походы по косметологам, то в результате сойду за симпатичную или хотя бы ухоженную дамочку. Но вообще-то выглядела я ужасно. Экспедиция на Саттанг сильно подорвала мое здоровье, да и нервы расшатала. А еще беременность. Я родила раньше времени и почти сразу после родов заболела – двустороннее воспаление легких. Чудовищно исхудала, мне пришлось очень коротко постричься, спала по двадцать часов в сутки и не могла выспаться... Словом, я избегала заглядывать в зеркало, чтобы лишний раз не расстраиваться. Лучше полюбуюсь сыном. Он-то оказался красавчиком, причем, как все уверяли, мордашкой пошел в меня, а не в папу. Только глаза отцовские – синие-синие.

– А я думаю, тебе надо развеяться, – сообщил Август.

Еще год назад я бы разозлилась или обрадовалась, или и то, и другое вместе, а сейчас мне было просто все равно.

– Не хочу.

– Придется. Утром звонила Нина Осси, ты спала, я не стал тебя будить. Она прилетает на несколько дней, у нее тут два концерта, один закрытый, для своих, мы приглашены – Дэн Тэгги дает зал. Будет много старых знакомых. Прилетят Расселы, наверное, прихватят с собой Лючию. Обещал прилететь мой брат Скотт. Хорошая компания подбирается. Но Нина хочет еще о чем-то поболтать с тобой. Я сказал, ты будешь рада.

– Нине – конечно, рада. Да и всем остальным тоже. Я боялась другого.

– Не нужно бояться. Китайцы могут сколько угодно загадывать загадки, мы не обязаны играть в их игры. Если им чего-то надо – скажут открытым текстом.

Я пожала плечами. Бросила взгляд на черную папку. Я так и не смогла проникнуться китайским величием, когда училась в магистратуре. Ага, училась. Вводный курс успела прослушать – и все.

– Может быть, Расселы привезут Мэдлин, – сказал Август.

– И кто это?

– Кузина Джимми Рассела. Я говорил, кажется, про нее.

– Уж не та ли, на которой ты в двенадцать лет хотел жениться?

– Она самая.

– Думаешь, она все такая же молчаливая?

– Немногословная, – поправил Август. – Мне кажется, вы подружитесь. Мэдлин нравится всем. Просто всем.

– О, – я засмеялась, – похоже, ты не расстался с мечтой?..

Август посмотрел на меня с удивлением:

– Делла, почему всякий раз, когда я подсказываю тебе, с кем лучше дружить, ты думаешь, будто я хочу жениться?

Он поднялся и с обиженным видом ушел. Я проводила его взглядом, раскрыла черную папку. Нет, ну для китайца молодой император очень хорош собой. Я бы даже не исключила, что в его жилах течет немного европейской крови – лицо не плоское, глаза довольно большие...

Пользуясь тем, что меня никто не видит, я старательно потерла глаза – после массированного лечения почему-то чесались, – а потом полезла в сеть. Собирать обрывки сведений о новом императоре Шанхая.

Ведь что ни говори, а китаец вел себя подозрительно.

* * *

Мастер Вэнь переменялся так, что я не сразу узнала его. Дряхлый старик превратился в мужчину дай бог пятидесяти лет, молодцеватого, осанистого, с пружинистыми движениями и опасным прищуром черных корейских глаз. Глаза, пожалуй, блестели слишком ярко. Но если о причине блеска не знать наверняка – в жизни не догадаешься, что это протезы с камерой в зрачке. Новые волосы Вэню вращивать не стали, они для нормальной жизнедеятельности не нужны, поэтому он завел привычку наголо брить череп. Благо, форму его унаследовал от русской матери, а не от корейца-отца.

У ног мастера лежала спецсобака Василиса. При встрече она внимательно обнюхала Вэня и, кажется, решила: теперь это такой же сибирский киборг. Зачем нужны сибирские киборги, Василиса знала превосходно: оборонять имущество от вражеских роботов и прочей техники. Еще, конечно, любой уважающий себя сибирский киборг защищал стаю, в которую входил. Стая у Василисы была большая и разнородная: люди, индейцы, эльфы, орки, красная индейская кобыла с жеребенком и две собаки. Недавно в стае появилось пополнение, старшая человеческая пара обзавелась детенышем, и, с точки зрения Василисы, охрану дома следовало усилить. В конце концов, она же девушка, у нее и помимо охраны есть важная задача – нянчить человеческого щенка в отсутствие матери. Мать от детеныша не отходила, к тому же рядом вились конкурентки – две эльфийки, одна со своим ребенком, парочка индианок – но Василиса терпеливо выжидала момент. О, можете не сомневаться, она себя покажет, дайте только шанс. Она отлично позаботится о детеныше. У нее ведь своих два помета было, и ничего, выкормила-вырастила. Но пока она готовится к своему звездному часу, кто-то ведь должен делать текущую работу, верно? Большущий орк – это замечательно. Но мало. Еще непременно нужен кобель-киборг. Такого она и углядела в Вэне. И непонятно, почему она улеглась подле него – то ли показывала, что готова принять как старшего, то ли стерегла, чтобы не сбежал от ответственности.

Мы сидели на веранде, пили чай. В правом торце, где было тенисто, стояла дневная кровать с двухмесячным Огги. За кроватью присматривала Лейла – немолодая эльфийка, няня. Очень высокая, почти метр шестьдесят. Ростом она превосходила не только Кэт, кормилицу Огги, но и собственного мужа. Кэт была ее племянницей и попала в дом по стечению обстоятельств. Я довольно легко родила, вопреки опасениям лечащего врача, но потом начала хворать. Врач советовал прервать лактацию и лечиться, а для ребенка подобрать кормилицу. Рекомендовал обратить внимание на эльфиек – их молоко по составу даже лучше человеческого. Дети, выросшие на эльфийском грудном молоке, отличались завидным здоровьем. Первая кормилица на радостях, что потчует аж целого наследного принца, задрала нос и в доме не прижилась, ее невзлюбили даже сородичи, не говоря об индейской прислуге. И тут Лейла сказала: племянница недавно родила, молока хоть залейся. Так у нас появилась хрупкая, как подросток, Кэт, а у Огги завелась молочная сестренка.

На столе между чашек лежала черная кожаная папка с золотым замочком. Я много думала о том, что означает подарок. Пожалуй, Август прав, император заинтересовался мной не как женщиной.

Я никогда не работала с Шанхаем. Но, к примеру, если китайцы вынашивают планы войны с Эльдорадо, я для них даже не «информированный источник», а куда больше. Хотя бы в силу иронии судьбы. В последней своей миссии я втерлась в доверие к генеральской семье, и так сложилось, что спасла их единственного сына от гибели. Парень в меня не на шутку влюбился, готов был закрыть глаза на происхождение – моя легенда рисовала девушку из простонародья. Энрике так страдал по мне, что смирилась даже его мама. Но... я провалилась,

и уйти мне помог его отец. Прошли годы, парень возмужал, они вместе с папашей развили бурную политическую деятельность, что в понятиях Золотого Мехико означало «этих купили, тех убили, остальных посадили» – и теперь Энрике Вальдес был действующим диктатором. Конечно, что такое юношеская страсть? С глаз долой – из сердца вон. Но Кид Тернер, мой бывший декан и нынешний куратор, обмолвился недавно, что Вальдес выступает за примирение с Землей. А кое-кто из его окружения намекает, мол, виной этому некая Долорес, портрет которой Энрике много лет хранит в сейфе. Он давно женат, но все мечтает вновь увидеть ту девушку... В общем, я подозревала, что меня хотят привлечь к работе. Уже как консультанта или агента влияния, но – могут. И есть вероятность, что в этом качестве я интересна не только Земле.

Поэтому, когда в гости заглянул Вэнь, я немедленно спросила его, что значит подаренная фотография. Ведь он много лет работал в Шанхае, менталитет знает.

Вэнь внимательно рассмотрел автограф.

– Делла, ты же училась в магистратуре как раз на Шанхай.

– Это только так называется. Во-первых, не доучилась. Во-вторых, плохо училась.

Вэнь рассмеялся.

– А твой босс?

– Сказал, что наследник фотогеничен.

Вэнь рассмеялся громче.

– Да, – согласилась я, – вот кому не стоило идти в магистратуру по Шанхаю, так это Августу. Полностью окитаился и взял моду говорить загадками.

– Экий он впечатлительный.

– Но уверяет, что ко мне присматриваются с деловым интересом.

– Делла, а ты в магистратуру пошла до или после подарочка?

– До. Насколько я понимаю, император – тогда еще наследник – навел справки обо мне, слухи дошли до моего куратора, и тот быстренько отправил меня учиться. На всякий случай.

– Так у него бы и спросила. Он-то знает, с какой целью навели справки.

– Нет, Вэнь. Не знает. Но я сомневаюсь, что шанхайский принц интересовался мной исключительно как симпатичной девушкой. Да и Август того же мнения.

– Ну да. Ты, конечно, решила, что он узнал о твоём эльдорадском прошлом.

– Это звучит разумно.

– Тогда он интересовался бы твоим боссом, который может провести шанхайский флот в тыл Эльдорадо через хаб Чужих.

– Новый император не воинственный. Может, он хочет решить проблему дипломатическим путем. К тому же оккупация Эльдорадо – заведомо убыточная акция. Там ничего особенного нет. Ну, производства. У Шанхая свои еще лучше.

– Пожалуй, Юй Юшенг не воинственный, – согласился Вэнь. – По сравнению со своими предками. На фоне среднего китайца, поверь, он очень агрессивный. И умеет быть жестоким. Хотя его жестокость – она не от внутренней потребности, а от рассудка.

– Да уж. Отказал отцу в лечении...

– Правильно сделал. Старик уже всех достал до печенок. К тому же не отказал. Он не повез его на Землю. Ну а шанхайская медицина оказалась бессильна. Никто не виноват.

– Вэнь, я понимаю, что достал. Но для него это был родной отец. Даже чисто рассудочно – не выгоднее было показать себя добрым и любящим сыном? Или это меседж такой для политической элиты? Мол, я расстреливать не буду, вы просто у меня все тихо и благопристойно загнетесь, как папаша?

– Ты так и не научилась думать по-китайски. Да, он вполне обдуманно принес умирающего отца в жертву политической ситуации. Заметь: не просто умирающего, а уже бесчувственного. Делла, там в двух шагах от блистательной метрополии – полная задница, спасибо

Старику, который довел империю до такого. Старик правил без малого сто лет и все эти годы с каким-то садистским наслаждением уничтожал то, что построил его предок. А ведь тот практически довел дело до признания Землей суверенитета Шанхая! При нем было несколько экспериментальных торговых зон с нами. Особых экономических зон, их еще звали «свободными». Там уровень жизни был – Земле такой не снился. Но тут сорокапятилетний, полный сил император внезапно, в одночасье, умирает от укуса змеи. Очень такая деловая змея, уползла из дворцового серпентария и ночью цапнула верховного правителя. Он не почувствовал, не проснулся. К утру умер. Если б проснулся, успели бы ввести антидот. Ты думаешь, зря ходят слухи, что эту змейку ему восемнадцатилетний сыночек подобрал? Двойную дозу снотворного в вечерний чай и змею в постель...

Я невольно поежилась.

– Первым делом этот говнюк закрыл все свободные зоны. Кроме одной – на границе с Куашнарой. Собственно, Сайгон. Его чуть не закрыла с перепугу сама Куашнара, потому что из Шанхая повалили толпой беженцы вперемешку с диверсантами. А куда делись жители закрытых зон? А-а, тебе в магистратуре сказали, что их казнили по приговору суда, за содействие потенциальному противнику. Думаешь, их расстреляли, как обычно? Ну, кого-то и расстреляли. Мужчин. А женщин с детьми вывозили в самые бедные колонии и отдавали толпе: это предатели, делайте с ними что хотите... Вывозили, предварительно соврав, что высылают из страны, возьмете лишь то, что на вас есть. Они и надевали лучшую одежду в три слоя, драгоценности. И в таком виде их выбрасывали на улицы перед толпой обозленных, голодных людей. Не спасся никто. А почему у Старика сыновья дохли, как мухи? Какой невезучий император – наследники до двадцати пяти не доживают. То пошел медитировать на священную гору и упал, разбившись насмерть, то напился и утонул в дворцовом пруду, то любовница зарезала, а кого-то и вовсе за измену вместе с матерью к стенке поставили... Один Юй Юшенг выжил. А его мать происходит, между прочим, из свободной зоны и на свет появилась чудом. Прабабку растерзали на улице вместе с младшей дочерью – старшую она успела выдать замуж в метрополию. Старшую потом расстреляли, обвинив в коррупции. Но та успела родить сына. А сын оказался тихоня и скромник, потому что очень жить хотел, но на самом деле хитрюга – успешно посватался к дочери ближайшего сподвижника императора. Когда родилась девочка, ее, памятуя об испорченной репутации семьи, предложили императору в наложницы. А стареющий садист взял да в нее влюбился. И уж чего совсем никто не ожидал – женился. Потому-то Юй Юшенг и остался жив. Но любовь любовью, а когда у тебя папаша болезненно подозрительный и чертовски изобретательный, уцелеть – непростая задача. Ты это держи в уме, если случится пообщаться с молодым императором. У него было такое хреновое детство, что парень даст фору любому кадровому разведчику... И каков молодец, заметь! Закрывая страну, он велел не утопить всех ненадежных, а просто выслать. Их грузили в транспорты и отправляли на Тварь караванами. При Старике мы мечтать не смели получить назад наших агентов живыми. Теперь получили. Им даже рисовых брикетов и воды в дорогу дали. Поверь, по шанхайским меркам это не норма, а высшая милость.

Вэнь ненадолго умолк, опустив глаза. Мне даже думать не хотелось, о чем сейчас вспоминает провалившийся нелегал, чудом сумевший уйти из шанхайских застенков. У него это, конечно, сто раз отрефлексировано и рационализировано, но не забыто ведь.

– Ну так вот, про менталитет, – сказал он. – При Старике на десятках планет развитие не просто остановилось – их загнали в средневековье. Теперь это огромная буферная территория, заселенная чисто ради того, чтобы пригодные для жизни планеты были заняты. Оттуда принудительно изъяты современные технологии, там жратвы всегда впритык, ровно столько, чтобы массового голода не было. Администрация целиком и полностью оскотинилась от безнаказанности, а народ совершенно озверел – и считает это озверелое состояние в общем нормой. Там в случае нужды избавляются от престарелых, мальчиков моложе пяти лет и девочек,

которых еще нельзя продать для сексуальных утех. От всех, кто для семьи обуза. Их просто выводят за околицу и оставляют. Если кто рвется назад – отпихивают вилами и кольями. Как, можешь себя представить на месте обычной матери-китайки? Она смотрит на своих трех-четырёхлетних детей, которых отец велел бросить. Дети плачут, тянут к ней ручонки, а она не смеет нарушить волю мужа. Вот пока ты не поймешь, что она не чувствует ничего, никакой боли или раскаяния, что у нее в голове только одна мысль – «еще рожу», – ты не уловишь китайский менталитет...

Вэнь отпил чаю.

Я помалкивала. Конечно, мне неприятно было слушать все это. На лекциях материал был вроде тот же, но подавался сухо, без эмоций. А у Вэня наболело. И я слушала, потому что я все еще разведчик.

– Юй Юшенг славный мальчик. Он своего отца не бросил. Он до последнего вздоха Старика был покорным сыном. Созвал лучших врачей Поднебесной, окружил коматозного папашу заботой. И это при том, что весь Шанхай знал, как они ненавидели друг друга. Все ждали, что парень, узнав диагноз, придавит Старика тут же! Своими руками придушит. Какое излечение, о чем ты? Чтобы весь Шанхай еще двадцать лет – у этого козла, старого императора, хватило бы злобы прожить вдвое больше, чем ему предсказали врачи, – страдал?!

– Так и что, по-твоему, может означать этот подарок? – я показала глазами на папку.

– Понятия не имею, – ответил Вэнь. – У Юй Юшенга отличное чувство юмора. Подарок может вовсе ничего не означать, кроме того, что у парня случился романтический каприз.

– А он склонен к романтическим капризам? – я нахмурилась. С некоторых пор не люблю романтиков.

– Еще как. Весь в прабабку. Или в загадочного белокурого офицера, от которого, как сплетничают, она и родила старшую дочь, пока муж был в отъезде.

В доме послышались решительные шаги, и на веранду вышел Август. Покосился на ребенка – не разбудил ли? – и негромко сказал:

– Делла, звонил Кид Тернер. Есть новости. Нет, Вэнь, не уходи, тебя они тоже касаются. Шанхайский император предлагает обмен делегациями. По сто человек, не считая сопровождающих лиц – членов семей и прислуги. В нашей делегации он хочет видеть сенатора Кимберли Тако – не понимаю, зачем, она же лютая правозащитница, у нее Шанхай ничего, кроме истерики, вызвать не может, – нескольких крупных ученых, причем не китаистов, и десяток деятелей искусства. В списке есть два известных журналиста. Остальные – просто достойные люди, преподаватели, врачи, агрономы, животноводы и так далее. И меня пригласили. С шанхайской стороны предлагают равноценный обмен, но список можно изменить в соответствии с пожеланиями Федерации. Могут включить кого угодно, вплоть до членов императорской династии. На обмен заложниками не похоже. Шанхай предлагает любые гарантии безопасности. Жены с маленькими детьми во время работы делегации – там обширнейшая программа – будут жить в императорском дворцовом комплексе, загородном, со всеми удобствами. Я решил, что поеду, хотя для меня в программе мало интересного. Нельзя упускать случай побывать в Шанхае. Делла?..

– Езжай, конечно.

– Я про тебя спрашивал.

– Меня не звали.

– Ты можешь поехать со мной как сопровождающее лицо.

Я задумалась.

– Ты веришь, что это безопасно?

– Нам нечего опасаться подлости со стороны молодого императора.

– Ну... – я посмотрела на Огги.

Я верю, что мой сын – везучий. Он получился, такое ощущение, что по собственному желанию, ухватившись за первый же шанс. И сумел родиться так, что его права наследника неоспоримы. Он, конечно, капризуля, но если вспомнить, в каких условиях прошел первый триместр моей беременности, – невозможно объяснить, почему Огги совершенно здоров. К тому же он настоящий Берг, а Берг нигде не пропадет...

– Если я откажусь и потом выяснится, что все остальные побывали на шикарной увеселительной прогулке, будет обидно. Но, Август, это три недели пути. На лайнере.

– Вот еще. Я буду добираться своим ходом.

– На чем? Твоя яхта на ремонте.

– У отца возьму. Вэнь, к тебе деловое предложение. Я могу взять тебя на контракт...

– Не «могу», а «обязан». Вы без меня не обойдетесь.

– Делла, определи, кто из прислуги тебе понадобится.

– Кормилица, няня... – Я задумалась. – Может быть, Санта, если индейские обычаи позволяют жене надолго уезжать по службе без мужа, это я уточню.

– Подумай хорошенько.

Он ушел.

В кровати проснулся и захныкал Огги.

Василиса, только что крепко спавшая, метнулась стрелой к нему. Я вскинулась, но куда мне угнаться за киборгом! И Васька успела-таки сунуть морду к ребенку. Вопреки ожиданиям, плач моментально затих.

Собака тщательно умывала моего сына. Умывала языком, но ему, похоже, нравилось.

– Да, – сказал Вэнь. – И это чудовище тоже лучше взять с собой.

* * *

– Дел, веришь? Я вообще не понимаю, зачем это сделала.

Нина Осси почти не переменилась. Она по-прежнему носила химически яркие шмотки, по-прежнему издевалась над своей прической. Только взгляд у нее стал растерянный.

Ее сын играл с собаками на лужайке. Отличный парень, красивый и сильный. И добрый. Я помнила его биологических родителей. Если про мать дурного слова не скажу, то отец у него был монстром. Тот редкий случай, когда приятно вспомнить, что кто-то покончил с собой: не нашлось бы подходящей казни для полковника Куруги, делавшего боевых киборгов из живых людей... А ребенок – загляденье.

Нина пила шампанское.

– Да я полгода даже пробку не нюхала! – возмутилась она, когда Август напомнил о приличиях: ну как же, на часах полдень, а гостя просит вина. – На своей свадьбе без единого глотка обошлась! Свадьба – фиг бы с ней, а вот то, что я после развода не выпила – сама не верю. Слушай, тебе жалко? Так бы и сказал!

Август надулся и заявил, что не участвует в нашей оргии. Куда-то поехал. А мы с Ниной взяли шампанское и пошли на веранду. Я только пригубила, а Нина довольно быстро уговорила полбутылки.

– Ты понимаешь, Йен классный парень. Действительно классный. Но я ж видела, что мы разные. Он сейчас еще ничего, а потом будет педантом. А я – хаос во плоти. Нам хорошо было бы дружить. Мы и дружили. Черт разберет, как оно так получилось... Какой-то порыв был. Но для меня порывы – норма, а зачем он на такое пошел... Или я чего-то о нем не знаю. Помнишь, мы приехали к тебе в клинику? Дел, мы до этого даже не говорили ни о чем таком. Ну подумай, раз-другой переспали. Мы на самом деле еще на Эвересте... Причем по моей инициативе. И как-то просто так, без дальних планов. Он тогда в тебя был влюблен. А тут... Выходим из клиники, и он говорит – а то поженимся? Вон, говорит, вижу церквушку, а до

мэрии отсюда два шага. И я, прикинь, отвечаю – да пошли. И мы без раздумий, без колебаний, пошли и поженились... Да, но зачем я с ним развелась?!

Она сделала несколько больших глотков, воровато оглянулась, хихикнула:

– Твой босс точно уехал? А то увидит еще, что я шампанское как воду...

– Нин, ты сама говорила – вы разные. Ну чего удивляться, что развелись?

– Да все это чепуха, что разные. Притереться можно. Понимаешь, он же меня любил. Я чувствовала. И вот так... согласился с разводом без единой эмоции. Будто я ему надоела. Я не подарок, кто бы спорил... Но мы ж накануне буквально обсуждали, как сына переименуем. Не может он быть Джованни Йоханссон, не звучит. Значит, будет Йохан. А я... Ну, блин, у меня слов вообще нет. Прикинь, какая я дура? Посрались из-за яичницы. И я, такая, – ты меня не любишь, как есть не принимаешь, короче, разводимся. А он просто ушел на работу. Ну, я – к судье и оформила развод. Вещи свои собрала, он с работы приходит. Я его и обрадовала. Он на меня поглядел – только и сказал, что уйдет сам, а мне незачем возиться с переездом, ребенка мучить. Сложил чемоданчик, молча, и исчез. Ни слова мне больше не сказал. Три недели мы прожили. Месяц уже прошел, а я не могу оставаться в той квартире. Прихожу – и все жду, что Йен вот-вот с работы вернется, мы возьмем малыша и вместе пойдем собак выгуливать... Джо по нему скучает тоже... Поэтому я – на гастроли. Надо же как-то развеяться. – Нина всхлипнула. – У меня концерт был, с его любимой программой. Не пришел...

– Может, он приходил, просто в зале сидел, ты его не видела.

Нина покачала кудлатой головой:

– Нет. Я всегда чувствую, когда он рядом.

Я подлила ей шампанского.

– Слушай, а бренди у тебя нет? – оживилась Нина. – А то мне как-то... Надо. Вот с тобой говорю, и вроде отпускает меня. Не, я сама знаю, что дура. Но от того, что я это знаю, легче не становится. Не решение это, что я дура. Хочу напиться и уснуть. Пустишь? Я знаю, что наглая. Тем более с ребенком...

– Так не я ж буду возиться с ним.

– Ну да, в этом плане прислуга – вещь. Надо мне тоже завести экономку. Или хотя бы няню. Я как забрала Джо, так сама с ним и вожусь. Иногда, когда концерт, бэби-ситтера нанимаю. Но каждый раз чувствую, что это неравноценная замена. Вот с собаками та же фигня. У меня с ними кинолог возится, отличная тетка, и собаки ее любят, но ведь как придут с занятием – бросаются ко мне, тычутся губами, рассказывают, что было... Потому что я им мама, пусть и непутевая. В общем, надо для Джо найти постоянную няньку, чтобы была как член семьи... Знаешь, если б не Джо, я повесилась бы. А он меня держит. У него отец мерзавец, и хорошо, что застрелился. И мать погибла. Никого больше не осталось, кроме меня. Джо, кстати, к музыке-то способный. Но не хочет заниматься.

– А не рано ты его приучаешь?

– Не, нормально. Я вижу, что конструкторы ему больше нравятся. И животные. А музыка – так, фон.

– Тебе обидно?

– Да не, почему. Лишь бы любил то, чем занимается. Дел, для нормального человека музыка и должна быть фоном. Я его, конечно, научу... Чтобы разбирался. Чтобы знал культурную базу. Голос ему поставлю. На фоно играть будет. А больше и не надо. Дел?..

– Аюшки?

– Слушай, может, ты поговоришь с Йеном?

Я встала:

– Нин, давай я лучше коньяк принесу? В самом деле, пока никто тебя не тревожит, надеюсь в свое удовольствие, спать тебя в гостевую комнату положу, за парнем Санта присмотрит.

– Но Йену ты звонить не будешь.

– А что я ему скажу? Нин, это ваша жизнь.

– Да ты просто спроси, он меня еще любит или уже нет? А дальше я сама... Дел?

– Ты сама-то его любишь?

Нина вздохнула:

– Получается, что люблю.

– Вот если ты его любишь, то позвонишь и спросишь.

Нина пофыркала возмущенно и спросила:

– Ты не шутила, когда про коньяк сказала?

Я засмеялась и ушла в дом. Взяла в баре бутылку арканзасского бренди – в таких случаях этот напиток лучше престижных, он ровный и не отвлекает от переживаний, – заглянула к Майклу на кухню и попросила сообразить для гостии что-нибудь легкое. Зашла к себе, задумалась. У меня были таблетки, снимавшие опьянение, но нужны ли они Нине сейчас? Позвонила Санте и сказала, что Нина погостит у нас, ей нужна комната, и для ее сына надо приготовить детскую.

Когда я вернулась на веранду, Нина сидела с развернутым из-под рукава наладонником и смотрела в пустоту. Уровень вина в ее бокале не изменился.

– Позвонила, – сообщила она мрачно. – Меня послали далеко и надолго.

– В смысле?

– В смысле, Йен сказал, что не будет говорить с пьяной. Дел, ну если бы любил, какая ему разница, я пьяная или трезвая? Можно подумать, я когда выпью, то становлюсь другим человеком. Блин, да мы когда познакомились, он сам наклюкался!

Я отставила шампанское и разлила коньяк по бокалам. Нина благодарно кивнула и отпила.

– Надеюсь, ты туда своих таблеток не намешала? Не хочу быть трезвой.

– Я так и подумала, что тебе надо напиться. И вот что, пока ты еще соображаешь: позвони в отель и скажи, чтобы багаж прислали сюда. Поживешь здесь. А соскучишься по собакам, пусть твоя кинологиня их привезет. Места всем хватит.

– Ты настоящий друг, Дел. Правда.

В течение следующего часа я узнала буквально все подробности семейной жизни Нины и Йена. Я поддакивала, кивала. Майкл принес жареных мясных полосок с пряностями, я заставила Нину немного поесть. После еды она стала клевать носом, и я отвела ее спать.

Вернулся Август. Выслушал мой короткий отчет. А потом... позвонил Йоханссону.

– Йен, Нина поживет у нас. Нет, ничего не случилось. Просто так будет лучше. Я через несколько дней лечу на Землю, возьму ее на борт. Было бы неплохо, если бы ты встретил ее.

Он сказал это так, словно уверен – Йен только и ждет возможности встретиться с Ниной.

– Конечно, он сделал глупость, когда женился, не подумав, – изрек Август. – Но вот развод уже точно был ошибкой.

– Думаешь, они помиряются?

– Они и не ссорились. Проследи, чтобы Нина выпалась. И больше не давай ей пьянствовать.

Суров, но справедлив. Истинный Маккинби, сначала позаботится о человеке, как о родном, а потом напомнит, чтобы не безобразничал тут. Выпить уже нельзя талантливой женщине в расстроенных чувствах.

* * *

Мэдлин Рассел-Грэй действительно была такой, как описывал Август. Правда, не зная, что он когда-то был по-детски влюблен в нее, – не догадалась бы по его поведению. Он держался дружелюбно, но сухо.

После концерта Нины женщины сбились в стайку – я, Эмбер Мелроуз-Рассел, Нина, Лючия и Мэдлин. А потом как-то вышло, что мы с Мэдлин остались вдвоем. До этого мы с хохотом обсудили каприз китайского императора, приславшего мне свой автограф, и Мэдлин даже намеком не показала, что тема ей интересна.

– Делла, вы думаете о Юй Юшенге слишком плохо, – неожиданно сказала она.

– Я пока никак не думаю.

– Нет-нет. Позвольте, я немного расскажу. Он совершенно не коварный. И вам не стоит опасаться, что он таким образом... проявил внимание определенного сорта. Нет. Видите ли, у меня есть родня в Куашнаре. И я довольно долго жила на Сайгоне, той самой планете, что наполовину принадлежит Шанхаю, а наполовину Куашнаре. Там разные районы, есть и такие, где жить было бы не стыдно даже Августу. И там часто гостят китайцы из Шанхая. Разумеется, только высшая аристократия. Так сложилось, что я знакома с некоторыми из них. Все они были недовольны старым императором, и все возлагали большие надежды на Юй Юшенга. Он очень умный человек. И вовсе не злобный. Я слыхала, однажды в молодости Юй Юшенг простил даже изменника. По закону в Шанхае он обязан был донести на предателя, иначе их казнили бы обоих. А Юй Юшенг выслушал того человека и помог ему бежать из страны. При старом императоре это был настоящий подвиг.

– Я тоже слышала, что новый император весьма прогрессивных взглядов.

Мэдлин чуть-чуть улыбнулась:

– И еще вам стоит знать... Он не флиртует с женщинами. Никогда. У него есть женщина, одна, ее личность засекречена, иначе нельзя, и ни на кого другого Юй Юшенг не смотрит.

– Говорят, он бывал за пределами Шанхая. Не на Сайгоне ли?

– Он бывал даже в столице Куашнары. Разумеется, инкогнито. Слыхала, что однажды он побывал на Твари, почти официально, этот визит устроила наша агентура. Никто ведь не хочет воевать с Шанхаем. Лучше дружить.

Я так и думала. Значит, его интерес ко мне объясняется именно тем, что я в прошлом разведчик и знаю нечто, важное для него.

Вечером я поделилась с Августом тем, что рассказала Мэдлин.

– Тебе она понравилась? – первым делом спросил босс.

– Август, я понимаю, что ты от нее в восторге. Она красива, да. Хорошо воспитана, образованна, умна. Но она же никакая. У нее нет изюминки. Она ничем не интересуется и не увлекается.

– Да, у нее нет хобби, – согласился Август. – А изюминка есть. Но Мэдлин очень недоверчива. Я даже удивился, что она рассказала тебе так много. Ведь визит Юй Юшенга на Тварь устраивал ее родной отец. И то, что Мэдлин жила на Сайгоне, объясняется его работой. Себастьян Грей был одним из наших резидентов в Куашнаре. Он погиб год назад. Убийцу подослали по приказу старого императора, уничтожили всю семью. Мэдлин уцелела случайно.

– Тогда она отлично держится.

– Да, неплохо.

– Если визит устраивал ее отец, она может быть знакома с Юй Юшенгом?

– Не исключено. Ты уже решила, какой штат прислуги берешь с собой?

– Почти. Завтра определяюсь окончательно.

– Хорошо.

Август скосил глаза на браслет. Посмотрел, откуда вызов, поднял бровь, спросил меня:

– Нина спит уже?

– Давно.

Август ответил на вызов. Невнятно, почти одними междометиями, поговорил, потом решил:

– Вот что. Ты иди ложись, мне лучше пообщаться с ним тет-а-тет.

– С кем?

– С Йоханссоном. Он часа через два будет здесь. Утром поговоришь с ним, вряд ли он уедет сразу.

– Решил помирить супругов? – поддела я.

Август удивился:

– По-твоему, мне больше не о чем говорить с федеральным агентом, кроме как о семейной жизни, к тому же его, а не моей? Тебе точно надо выспаться.

– Спокойной ночи, – только и сказала я.

И, разумеется, половину ночи не могла уснуть.

* * *

Утром я выскочила на кухню, наскоро выпила чашку кофе и увидела в окно Йена, который не спеша возвращался из парка. Выглядел прекрасно, только слегка осунулся и непонятно зачем отпустил бородку. Как у многих блондинов, щетина на подбородке у него была темнее, в рыжину, и смешно контрастировала с пепельно-белыми волосами. Только через несколько секунд я обратила внимание, что борода – не единственный признак возраста: у Йена наметились залысины на висках. А ведь он немного моложе меня...

– Привет! – Он мне обрадовался искренне, это было приятно.

– Привет. Нина скоро проснется.

– Да мы с ней уже виделись. У нее после концертов бывает, что ночью она просыпается от голода. На кухне мы и пересеклись.

– Надеюсь, помирились?

Йен посерьезнел.

– Делла, я понимаю, что ты соперничаешь, но... Не принимай близко к сердцу, ладно? Нина прекрасный человек, и я люблю ее, но у нее сложный характер.

– И у тебя непростой.

– Безусловно. Но, видишь ли, у нее есть манера кое-что преувеличивать, кое-чего не замечать, а кое-что толковать в зависимости от настроения – сегодня так, а завтра эдак. Иногда мне кажется, что для нее отношения между людьми, это игра, это та реальность, которую она строит исключительно силой своей фантазии.

– То есть вы и не ссорились?

– Как тебе сказать... Нина в мужчине ищет папочку. Не скрою, у меня есть такая черта характера, и мы в этом плане совпадаем: ей нужен папа, мне – дочка. Но... ты ведь знаешь, как она работает? Исступленно, самозабвенно, беспощадно. Она профессионал, настоящий. А дома она компенсирует эту сосредоточенность и самодисциплину. В ней ребячества столько, что мне иногда кажется: Джованни взрослей нее, даром что ему всего два года. Ее бросает из крайности в крайность. Да, я понимаю, что такова цена ее успеха и что с этим надо смириться. Я и смирился. Она – нет. Я ушел, чтобы Нина сама решила, чего же она хочет. Нужна ей семья – значит, мы вдвоем будем учиться ее строить. Именно вдвоем. Одними моими усилиями ничего построить нельзя.

– Тебя послушать – и кажется, что вы давно планировали свадьбу. А с ее слов выходит, что это был случайный порыв, а теперь вы расхлебываете последствия.

– Вот, – кивнул Йен, – отличный пример того, как Нина видит события. Делла, впервые мы заговорили о свадьбе, когда она собирала документы на усыновление Джованни. Обещала подумать. Когда мы навестили тебя в клинике, я спросил ее – думать она будет еще год, два, три? Она отшутилась, мол, я веду себя так, словно давно все забыл, и вообще недостаточно настойчив. Ну, я и настоял. Сказал – тогда идем прямо сейчас. Мы и пошли. Получилось очень весело. В церкви была компания студентов, мы никого не знали, но тут же познакомились. Их восхитила сама ситуация – знаменитая певица выходит замуж за агента федеральной безопасности. И три недели я делал вид, что все идет по плану, что меня устраивают наши отношения. Я пытался говорить с ней, достучаться до рассудка. Но она и сама понимала, что ее поведение неправильное, поэтому любые разговоры воспринимала как обвинения. Очень болезненно воспринимала. И я ушел. Но я не бросил ее. Я просто дал ей время разобраться в себе.

Мы обошли по тропинке вокруг дома и снова углубились в парк.

– Ты с Максом... все? – спросил Йен.

– Видимо, да. По крайней мере, с Саттанга я его не видела, а последнее письмо было два месяца назад. И даже не вспоминаю про него.

– У меня приятель недавно побывал на Саттанге. Туда уже ходит регулярный рейс, раз в неделю, с Твари. Говорит, строительство идет бешеными темпами, везде, всюду. Да! Князева амнистировали. Учли заслуги – он после Саттанга еще в паре дел помог.

– И как он отпраздновал освобождение?

– Как и хотел. Собрал вещички и поехал в монастырь. Пока послушник. Я вчера с ним созванивался. Посещает все службы, работает в саду и учится писать иконы.

– Я рада за него.

– Да я тоже. А Бейкерша повесилась. Внезапно. Как только Адам узнал, что мамы больше нет, тут же подал на пересмотр дела, всю вину на нее валит.

– Чего и следовало ожидать. А что думают его подельники?

– Рассорились. Джон Холден твердит, что его обманули-оклеветали, пытался подать иск против Берга – но не сумел четко сформулировать обвинение. Ахири обиделась, что Холден не интересуется ее судьбой, и накатала кляузу, выставив ему счет за все время, прожитое в ее поместье. Иск удовлетворили, расплатиться Холден не может, так что ему светит дополнительный срок. Однако похоже, эта парочка внесет свою лепту в новое представление о деле. И вряд ли такую, к какой Адам окажется готов.

Я усмехнулась. Йен помолчал.

– Дел, я слыхал, вы в Шанхай собираетесь?

– Да. Очень странное приглашение.

– Странно не приглашение, странен состав китайской делегации. Новый император спровадил на Землю всех самых преданных помощников своего отца. Я даже не знаю, как мы будем их принимать, там же одни фанатики, у них от слова «Земля» корчи начинаются.

– Ну, знаешь, Кимберли Тако, которую пригласили в Шанхай, тоже не подарок.

– А она довольна. Я видел ее вчера на приеме. Просто счастлива. Говорит, что не будет другой возможности разобраться в механизмах социальной зависимости. Почему китайцы не хотят бороться за свои права? Это ведь действительно загадка. Учитывая, что китайцы, в общем и целом, народ иерархичный, однако вовсе не раболепный.

– Йен? Я чего-то о тебе не знаю? Раньше ты не ходил по приемам, где бывают сенаторы.

– Да, – согласился Йен. – Я там был по делу. Видишь ли... словом, на Сайгоне произошла неприятность. Один тамошний богатея развел феодализм, превратился в криминального князька. Все бы ничего, пускай у Куашнары голова болит, только у него наше гражданство, и он в розыске. Мы не можем достать его сами, поэтому хотим заключить договор о содействии с обеими заинтересованными сторонами – Куашнарой и Шанхаем. Куашнара оказала неожи-

данное противодействие уже на уровне посольства. Не хотят сотрудничать. Вчера на приеме был посол Куашнары. Поэтому туда направили меня.

– Словом, ты там был в качестве федерального агента, который следит за подозреваемым.

– Да. Действительно, загадочная история. Собственно, почему еще я прилетел – хотел с Августом посоветоваться.

– И Август, конечно, подтвердил твои подозрения.

– Нет, указал на мою ошибку, – засмеялся Йен. – Как обычно.

– И в чем она заключалась?

– Я предположил, что Николсу – этому князьку – покровительствует кто-то в элите Куашнары. Соответственно, посол участвует в коррупционной схеме, поэтому ставит нам палки в колеса. Август справедливо заметил, что Николса берегут по другой причине. На Сайгоне китайцев – девяносто процентов населения. И Николс хорош для китайцев, поскольку сдерживает криминальную экспансию как со стороны Куашнары, так и с нашей. Занял место и прочно на нем уселся, никто не влезет. А Куашнара боится его трогать, подозревая, что, стоит Николсу исчезнуть, китайцы подхватят его бизнес и совсем подомнут Сайгон под себя. В общем, он мешает переделу зон влияния и в этом качестве всех устраивает. Одни мы в дурацком положении, потому что обязаны его оттуда выдернуть и отдать под суд, а никому, кроме нас, это совершенно не интересно. Единственный вариант добиться выдачи – поссорить Николса с китайцами. Но при этом надо предложить Куашнаре какое-то разумное замещение. Нужен крупный и амбициозный инвестор без такой суровой криминальной нагрузки, но с достаточным опытом, чтобы сам ничего не боялся и умел других запугивать.

– Только не Дик Монро! – выпалила я машинально.

– Мне тоже не нравится его усиление. Но пока это единственный вариант. Август посоветовал встретиться с Мэдлин Рассел-Грей. Возможно, она рекомендует какую-то местную альтернативу Монро, она ведь на Сайгоне всех знает. Ты уже завтракала?

– Нет, что ты, я так рано не завтракаю. Но я все равно сейчас тебя покину.

– Понимаю. Ребенок.

– Совершенно верно.

– Тогда увидимся позже. Я, наверное, задержусь на пару дней, еще наговоримся.

Я вернулась в дом, поднялась в детскую. В окно увидела, как Август и Йен уехали в город.

Потом проснулась Нина, умиротворенная и благодатная. И почти сразу оккупировала гостиную для репетиции. Я сидела на веранде, пыталась читать «Речные заводы» на китайском и клевала носом.

Собственно, я умудрилась уснуть в кресле, когда пришел Тед и сказал, что меня хочет видеть Мэдлин Рассел-Грей.

Я удивилась. Очень сильно удивилась. По моим расчетам, как раз сейчас она должна была консультировать Йена под руководством Августа.

Она прошла через лужайку так легко, как умеют только эльфы. Орки ходят бесшумно, индейцы долго, а эльфы словно парят над землей. Тед принес кофе, я предложила гостье присесть.

– Простите, что побеспокоила вас, – ее голос журчал и переливался. – Наверное, мне следовало сначала позвонить, но я привыкла, что Август такой домосед... К счастью, дворецкий сказал, что вы можете помочь мне.

– Да, конечно, все, что в моих силах.

– У меня к вам необычная просьба. Скажите, вы могли бы показать мне список членов китайской делегации? Тех, кого присылают сюда?

– Но... Он есть в сети.

– Он неполный. Там лишь те сто человек, которые считаются почетными гостями. А я хотела бы увидеть сопровождающих лиц.

Я подумала и сбросила ей на чип полный список, которым Август разжился еще позавчера. Мэдлин быстро просмотрела его и сдвинула брови:

– Я так и думала. Приедут несколько человек... очень опасные люди. Я собиралась на Землю, но, конечно, мне лучше избегать встречи с ними. Спасибо вам большое.

– И насколько они опасны?

Мэдлин рассмеялась, немного нервно.

– Не знаю, что вам сказал Август обо мне... Мой отец был вашим коллегой. Год назад всю мою семью убили. Мы с сестрой очень похожи... были похожи, и нас перепутали. Но вскоре ошибка выяснилась, и я с тех пор скрываюсь. Люди, о которых я говорю, – они командиры. Это их подчиненные расстреляли мою семью.

– Такая охота... – я не стала продолжать, сама догадается.

– Понимаю ваше недоумение. Мой отец очень много знал и доверял мне. После его смерти некоторые вопросы закрыла я. Мне известно о крупных коррупционных схемах, в которых участвуют шанхайские чиновники. Эти схемы действуют по сей день. А я сама по себе и фактически беззащитна.

Ну-ну. Работая симпатичной ассистенткой гениального инквизитора, я привыкла, что меня держат за дурочку – ну зачем девчонке мозги, когда у Маккинби хватит на десятерых, – но если Мэдлин так хороша, как ее охарактеризовал Август, чего ради она сейчас умолкла и глядит выжидательно своими эльфийскими глазищами? Почему выжимает из меня дурацкие реплики? Не доверяет? «Сама по себе и беззащитна», это как понимать?

– Почему бы вам не обратиться к нашей разведке? – спросила я со всей возможной искренностью.

– Понимаете, мои знания для разведки бесполезны. Они имели бы ценность, будь у Земли выстроены какие-то внятные отношения с Шанхаем. Тогда мои сведения позволят шантажировать нужных чиновников. Но сейчас и отношений нет, и сами эти люди потеряли влияние. Они были у власти при старом императоре. А новый обязательно проведет чистку государственных служб. И многие из этих чиновников рискуют оказаться под ударом. Конечно, они опасаются за свою жизнь. Кто-то сохранит свои позиции, кто-то сможет и успеет сбежать в Куашнару, кто-то найдет приют даже и на земных территориях. Но для этого нужно одно: чтобы я замолчала навсегда...

Я слушала Мэдлин и думала: ну что за ерунда? Хорошо, узнает бонза из Поднебесной, что ты на Земле, даст команду своим агентам, внедренным в китайскую мафию, которая у нас повсюду... А вот не повсюду, отнюдь нет. Тебе, дорогая, надо только слово шепнуть кузену Джимми – и ты уже на Кангу под надежной охраной эльфов. А еще лучше – на Бете. Тогда у китайцев один шанс от тебя избавиться: бомбить планету, желательно сразу всю.

Стоп... Новый император проведет чистку, ты сказала?

Ладно, если тебе так надо, сыграем дальше. Ты подаешь – я принимаю. Хотя бы ради Августа.

– Мисс Рассел-Грей...

– Пожалуйста, зовите меня Мэдлин.

– Мэдлин, давайте сделаем проще? Я могу записать ваше интервью, мы проверим сведения и при удобном случае передадим их соответствующим службам в Шанхае.

– Да, я хотела попросить вас именно об этом. Я привезла кое-какие документы, чтобы не быть голословной, и записи моего отца.

Интервью мы сделали за полтора часа. По манере Мэдлин было видно, что она прошла отличную школу, ее рассказ был настоящим рапортом, логичным, завершенным, без единого лишнего слова. Она завизировала интервью, написала доверенность на имя Августа, позволяющую по собственному усмотрению распоряжаться переданными документами, и собралась уходить.

– Мэдлин, может быть, вам нужно убежище?

– О нет, благодарю вас, у меня есть.

– Но ваши враги могут о нем знать.

Она покачала головой – с легкой и беспечной улыбкой:

– Не беспокойтесь. О нем никто не знает.

Чудесно. Это заявление отлично сочетается со словами «сама по себе и беззащитна». Но ведь Мэдлин не может быть такой дурочкой?

Она ушла. Я еще раз просмотрела интервью. М-да. Только сегодня утром Йен упомянул некоего гражданина Земли, скрывшегося от наказания на Сайгоне и ставшего там криминальным князьком. Ну вот он, Билл Николс, и к нему тянется полтора десятка нитей из столицы Шанхая. Именно на Сайгоне отмывается украденное из шанхайской казны. И я теперь намного лучше вижу, отчего китайская сторона не хотела устранения этого полезного господина. Скоро захочет, если я правильно поняла Мэдлин. Что же, нельзя исключать, что мы поможем не только молодому императору, не только Мэдлин, но и Йену – в поимке Николса.

Но мне все это не нравилось.

Вернулся Август, один, без Йена.

– Он к ужину приедет, – пояснил Август.

– Приходила Мэдлин Рассел-Грей.

Август застыл.

– Интересно, – обронил подчеркнуто нейтральным тоном.

– Я почему-то думала, что вы отправились в город на встречу с ней.

– Именно. Но в отеле выяснилось, что она съехала ранним утром. И что она тебе сказала?

– Оставила документы, дала большое интервью. Оригиналы в сейфе. Давай руку, лови отчет.

Август принял мой отчет на чип, тут же просмотрел по диагонали.

– Ну понятно... – пробормотал он. – Мэдлин в своем репертуаре.

– Август, мне показалось, что она лжет. У нее реакции неестественные.

– Не обращай внимания, они всегда такими были.

– Все равно я ей не верю. Ну хорошо, возможно, насчет китайцев она и не солгала. Но она как будто пытается нас использовать втемную.

– Это возможно... – пробормотал Август.

– И скорей всего, она отлично знала, что тебя нет дома.

– Не исключено...

– Потому что ты-то ее игру раскрыл бы.

– Если бы захотел, – возразил Август. – Делла, это нас не касается. В конце концов, даже если Мэдлин решила отомстить за смерть родных нашими руками – она имеет право на месть, тебе не кажется? Она узнала в новостях, что я приглашен в Шанхай. И воспользовалась шансом. Ничего удивительного.

– А эти люди в шанхайской делегации, которых она охарактеризовала как убийц?

– Все может быть.

– Ты вообще что-нибудь знаешь о ее жизни? Просто это странно звучит. Она отказывается лететь на Землю, потому что там несколько человек, опасных для нее. Но, простите, на Земле четыре миллиарда народу, и даже когда люди живут в ста метрах друг от друга, вероятность случайной встречи чрезвычайно низка. Значит, она должна была появиться именно там, куда позвали китайскую делегацию. Вопрос: чем она занимается?

Август уселся за свой стол, поискал глазами что-то, не нашел, тогда положил руки перед собой и сплел пальцы в замок.

– Делла, она в совершенстве владеет китайским. Она должна сопровождать шанхайскую делегацию как переводчик. Вместо этого она намерена скрыться, но так, чтобы ее не разыс-

кивали наши. А теперь смотри: Киду Тернеру докладывают, что один из переводчиков исчез. Последний раз человека видели на Танире в обществе тех-то и тех-то. Куда он звонит? Правильно, мне. А я ему рассказываю – да, была, оставила документы, интервью и так далее.

– И конечно, это был самый простой способ, – саркастически заметила я. – И раз ее включили в штат, то она только здесь увидела полный список гостей.

– Я не знаю, почему она сразу не пошла к Тернеру, с которым ее отец много лет был на короткой ноге, – несколько раздраженно сказал Август. – А сценку со списком она разыграла для тебя. Если б она с ходу, с порога заявила – мол, меня хотят убить, ты бы вела себя иначе. Как минимум предложила бы ей договор об обслуживании. А Мэдлин в этом не заинтересована.

– Потому что на самом деле никто ее убивать не собирается.

– Как знать. Может, очень даже собирается. Зависит от того, что еще ей известно – кроме того, что она выложила тебе.

– Если еще это правда.

– Правда. Но не вся.

– Тебе не кажется подозрительным ее поведение, я гляжу.

– Делла, ты никак не желаешь понять: она живет в параллельной реальности. У нее свои задачи. Она решает их теми способами, которые максимально комфортны для окружающих и для нее самой. Я не хочу знать, какие это задачи. Но я точно знаю, что перед законом она чиста. Сними копии со всех документов, которые она принесла, и отправь их Тернеру. Сегодня же.

Я промолчала. В конце концов, Мэдлин не наша клиентка, и мы не обязаны ломать голову над ее поступками. Кид Тернер разберется, а мы – не обязаны.

* * *

Вечером мы принимали гостей – лорда Джимми Рассела с женой и ее лучшей подругой Люцией, женщиной, способной удивить кого угодно редким сочетанием глубокой человечности и феерического цинизма. Мы уже давно бросили посмеиваться над Расселом, ярым христианином, который смирился с тем, что его жена дружит с сатанисткой. Надоело. Тем более сатанисткой Люция была относительной; себя она определяла скорей в агностики, а религия для нее – бизнес.

– Кажется, я на верном пути, – сообщил мне Рассел украдкой и глазами показал на Люцию.

– Миссионерство приносит плоды? – спросила я невыразимо серьезно и сочувственно.

– Ну, пока еще нет, – скромно отозвался Рассел. – Но кое-чего я добился. Люция прямо на глазах теряет интерес к сатанизму.

– Джим, – не выдержала я, – ну зачем ты все усложняешь? Предложи ей дело, которое будет выгодней люциферианства, и поставь условие: или бизнес, или ее церковь.

– Именно в этом направлении я и работаю, – почему-то обиделся Рассел и ушел.

Пять минут спустя ко мне сдрейфовала Люция.

– Джим хвастается, что почти наставил тебя на путь истинный, – сказала я.

– А и пусть так думает, мне не жалко. Дел, люциферианство выходит из моды. К тому же мне не удалось получить выходы на крупные университеты, а Эверест теряет актуальность. Ну и в целом рынок сатанизма сдувается на глазах, пришли свежие конкуренты, какие-то идиотские секты, настолько идиотские, что мы, традиционалисты, против них не тянем. Не слыхала про Орден Евы? Еще услышишь, гарантирую. В центре Федерации они пока слабо известны, там уровень жизни приличный, да и культурка в целом повыше, зато на периферии сгребают под себя всех убогих и несчастных, как лопатой... Так что я скоро прикрою лавочку, пускай Сержио Чекконе подбирает остатки. Если Серж догадается правильно меня попросить, я даже могу слить ему своих прихожан, чисто как коллега коллеге... А сама займусь тем, что действи-

тельно люблю и умею лучше всего. Уж точно лучше Джима. Он фактически это признал на днях – предложил заняться поставками продуктов на его новую планету. Отличный бизнес, и мне в нем мало равных. И Джиму выгодно, и я при деле.

– Странно, что вы пришли без Мэдлин, – осторожно заметила я.

– Мэд? Она днем улетела.

– Ты хорошо ее знаешь?

– Постольку-поскольку. Девка, конечно, самая продуманная из всего семейства. А ведь по ней не скажешь, да? Такая феечка, прямо неземная. Только она всегда добивалась чего хотела. Ее, конечно, еще папаша выучил на совесть... Папа у нее, Себастьян Грей – реально хищник был. Акула. Жалко, что сатанизмом не интересовался. Вот под кем я развернулась бы...

Лючия мечтательно закатила глаза.

– Нет, конечно, в чае он разбирался тоже, – сказала она, подумав. – Помнишь, я тебя на Эвересте угощала?... Но это не масштаб для такого одаренного человека. С его талантами надо было не товары, а идеи продавать. Высасывать из пальца – и толкать. Чистый бизнес. Впрочем... хм...

Она покачала головой и умолкла.

– Мэдлин китаистка по образованию, как я слышала, да?

– Не просто китаистка, а очень навороченная китаистка. Греи всегда были на этом деле повернуты. А папаша Мэдлин резидентом федеральной разведки сидел почти что в Шанхае, прямо на границе. Одна рука по локоть в контрабанде, другая в легальном бизнесе, а голова сама понимаешь, чем занята. Это почему я насчет продажи идей ляпнула – и задумалась, ага? В общем, не до сатанизма ему было, к сожалению... А Мэд самая младшая из его детей. Она по-китайски чуть не в три года уже болтала свободно.

– И такая трагедия...

– Это да, – согласилась Лючия. – Мэд, конечно, очень сильная. В один момент потерять всю семью и не сломаться – воля нужна железная. Причем сама она со смертью разошлась на полдня буквально. Они на Сайгоне жили втроем – Грей, его вторая жена и Мэд. Старшие дети – сын от первого брака и дочь от второго – отдельно. И тут Мэд едет в гости к подруге, а к родителям приезжают старшие со своими домочадцами. Ну и все. Их дом расстреляли в клочья, перебили всех, даже годовалого младенца. Поразительно, как Грей сплеховал, у него чутье на неприятности было отличное. А вот сплеховал. И осталась Мэд одна. Отцовская родня от нее отвернулась, там очень не одобряли, что тот женился на эльфийке-полукровке, и, соответственно, Мэд, с ее подчеркнута эльфийской мордашкой, им даром не нужна. Ну а Джимми Рассел, при всех его недостатках, от родных никогда не отказывался.

– Она на Кангу живет, в его поместье?

Лючия рассмеялась:

– Да фиг ее разберет, где она живет. У меня такое ощущение, что она больше трех дней на одном месте не сидит. Отца-то грохнули, а потом узнали: он весь компромат младшей дочке подарил. И теперь охота за ней идет дай бог терпения.

– Может, еще поэтому Греи стараются держать ее на расстоянии?

– Тоже вариант, – согласилась Лючия. – Жить-то всем хочется. Правда, там семейка непростая, с долгой историей. Но против китайцев – не рискнет. А убивали, судя по всему, китайцы, они любят такие... показательные выступления... Ладно, это еще что! Я краем уха обмолвку поймала – у Мэд, между прочим, двое детей. Ни самих детей, ни мужа никто не видел. Но ходят слухи, что они от сайгонского «крестного отца» Николса. И Николс под шумок их выкрал. Теперь Мэд из шкуры лезет, чтобы Николса свалить.

Я моргнула. Как понятно...

– Имеет право.

– Да я разве спорю? Знать бы наверняка, как оно там, я бы еще и помогла. Я чужое материнство уважаю. Только как ей поможешь, не примет ведь, самостоятельная до безрассудства. Одиночка.

Вечеринка у нас получилась очень веселая, хотя и камерная. Нина расчувствовалась и пела старинные шотландские баллады, а потом объявила, что они с Йеном поженились. Я на всякий случай проверила, что она пьет. Нет, слабенькое вино, и то два бокала за вечер. Значит, просто проняло девушку. А потом я тихонько улизнула и поднялась в кабинет.

Первым делом я нашла публичное досье Мэдлин Рассел-Грей. Как и следовало ожидать, самый минимум информации. Образование – внезапно Тверской университет истории и права, факультет «Российская история», заочная форма обучения. Чего-чего? Интересная такая китаистика, да. О том, что девушка в совершенстве владеет языком, ни слова. Постоянного места работы нет, только консультации по специальности. Я оценила список проектов с ее участием. Ну, вот тут, пожалуй, Китай с некоторой натяжкой присутствует – Великий Шелковый Путь, освоение Сибири, русско-китайские отношения. На конференциях не бывает, самостоятельных научных работ нет.

В биографическом разделе – только имена родителей. Ни слова о брате и сестре. Между прочим, Август тоже не упоминал брата. Что нет сведений о детях, я уж молчу, и так понятно. Несколько странным мне показалось, что отсутствует информация о медицинской страховке. Обычно эти данные у людей открыты: страховая компания дает за их публикацию неплохую скидку, как за рекламу. А тут впечатление такое, что с восемнадцати лет Мэдлин вообще ни разу не покупала страховку. Жаль, ведь с моими связями можно было бы раскопать через страховщиков сведения о родах, а то и о сопровождении беременности... Имущество скудное, деньги есть, но никакой недвижимости, даже заваливающего домика. Нет личного транспорта. Нет постоянных каналов связи.

Загадочная девушка. Так могло бы выглядеть досье неумелого шпиона-нелегала. Неумелого – потому что у профессионала обязательно будет постоянное жилье, которое он, к примеру, сдает в аренду, и хоть какой, но личный транспорт. Непременно медстраховка и два-три канала дальней связи. А Мэдлин словно намеренно устроила свою жизнь так, чтобы ее ничего не держало.

Ладно, насчет нее я узнаю в другом месте, теперь посмотрим, что собой представляет Николс.

Сайгон, безусловно, жопа цивилизованного мира. Но даже в жопе мира не водятся мафиозо международного уровня, которые были бы пнями дремучими и полными отморозками. Этот Николс по определению умен, расчетлив, неплохо образован. И почему, собственно, наши так заволновались из-за него? Ну, ушел в Куашнару. Ну, навел там свои порядки. Боже мой, сколько на федеральных окраинах мошенников, воров, убийц – и никто ведь не чешется. Что за внезапный интерес к Николсу? Он на Сайгоне давно орудует. Почему его раньше не трогали?

Досье Николса оказалось девственно чистым. Причем заметно, что его секретили, и не разведка – уж больно топорно все зачистили. Может быть, в связи с расследованием. Дата и место рождения, школа, колледж... Кстати, учился в Бостонском финансовом. Тоже, как и Мэдлин, заочно. В Бостоне основная масса студентов учится заочно: это образование все рассматривают как обязательное базовое, но не основное. А вот насчет основного у Николса упоминаний не было. И дальше – дата отъезда в Куашнару. Все.

Я довольно быстро нашла материалы о нем в сети. А парень-то не чурается славы, совсем не чурается... С фотографии на меня смотрел довольно интересный мужчина – шатен с жесткими скулами и прямым носом, с прищуренными спокойными глазами, ровной линией рта. Ему было сорок девять, и для своих лет он выглядел не слишком молодо, нет, – просто ухоженно. Отличная кожа, чуть смугловатая, общий налет Латинской Америки во внешности.

Надо сказать, влюбленный в меня Энрике Вальдес, эльдорадский диктатор, сильно уступал этому крестному отцу.

Я листала интервью, заметки... Билл Николс, талантливый и успешный инвестор, а в масштабах Сайгона де-факто полноценный олигарх. Вкладывает очень много в благотворительность и социальную инфраструктуру. Финансирует два научных фонда. Имущества на территории Федерации Земля нет. Есть заводик на шанхайской территории, оформленный на подставное лицо, остальное – в Куашнаре. Не женат, воспитывает двоих приемных детей.

Дети.

Мэдлин квартеронка, и у ее детей должны быть эльфийские черты. Эта кровь размывается человеческой лишь до определенного предела. Она всегда проявляется. Если Николс выдает за приемных тех детей, которых ему родила Мэдлин... Я открыла длинный ролик.

Два парня-погодка. Высоких. Эльфийское происхождение, что называется, на лбу написано. Отдаленно похожи на Николса – тот же рисунок бровей, тот же подбородок.

Я начала искать самые ранние публикации о нем. Поразительно. Ничего, совсем ничего о его жизни на родине. Даже в криминальной хронике. Первая публикация – сайгонская. Там он сразу представал как инвестор. Откуда взял деньги, и немалые, судя по всему?

В кабинете распахнулась дверь, вошел Август.

– Все, – объявил он, – Рассел достал даже меня.

В таком раздражении я своего босса и на Саттанге не видела, когда был вроде самый край, то есть индейская свадьба по полному чину. А сейчас того и гляди из Августа пар пойдет. Хочется надеяться – в гудок.

Все, что я могла – сделать большие глаза.

– А ты думаешь, Рассела в обществе не принимают из-за того, что он эльф? – спросил Август. – Или из-за того, что предок был инженер, а не банкир? Да-да, как же. Делла, он чокнутый миссионер-англиканин. Он совершенно не понимает, что не всякое место удобно для внезапной проповеди или обращения язычников.

– Погоди, он тебя в оборот взял, что ли?

– Ну да!

– А-атлично. Это ж натуральный анекдот. Он забыл, что ты шотландец?

– Не знаю. По-моему, ему просто все равно. Ты представь: англиканин вцепился в прихожанина пресвитерианской церкви и пытается обратить при всем честном народе... Это было до того неуместно, что мне просто хотелось дать ему в лоб! И ведь я, мягко говоря, не фанатик! Очень мягко говоря. Я вообще агностик скорее всего... Сдержался, потому что женщины были рядом. Ей-богу, он бы лучше проповедовал православие в Израиле веке так в двадцать первом. А что, имел бы большой успех среди арабов! А попадись он Скотту-Младшему... Братец Скотти тоже не фанатик, зато профессионал!

Я сделала стоп-кадр из ролика, на котором Николс был вместе с детьми, и вывела его на стену.

– И что? – нахмурился Август.

– Билл Николс со своими детьми. Детей называет приемными. Кстати, никакой информации о преступлениях, за которые федералы мечтают вытащить его на родину, я не нашла.

Август уставился на стену, засунул руки в карманы брюк, два раза качнулся с носка на пятку. Потом задумчиво погладил подбородок.

– Да, – изрек он. – Дети явно с эльфийскими генами.

– И похожи на Николса, ты не находишь?

– Некоторое сходство просматривается. Но это еще ничего не доказывает, многие подбирают себе приемных детей так, чтобы черты лица совпадали.

– И тем не менее, если принять за версию, что сыновья его родные – как думаешь, сколько на Сайгоне женщин с подходящим происхождением, которые могли бы произвести на свет этих ребят?

– Хороший вопрос.

– Лючия сказала, ходит слух, что это дети Мэдлин.

– Для нее великоваты.

– Меня теперь одно интересует – кто такой Николс и какую роль он играет на самом деле?

– Счастливая. У меня вопросов раз в сто больше.

– И что самое неприятное – я сплеховала и не заставила Мэдлин подписать договор на расследование.

– Это как раз чепуха, кто-нибудь нам его всяко предложит... История, похоже, начала раскручиваться, и без нас не обойдутся. – Август помолчал. – Я думаю, когда прилетим на Землю, тебе стоит провести и Кида Тернера, и Мелви. Они должны знать.

Повернулся и ушел. Я посмотрела Августу в спину – и скинула ролик с Николсом Йену Йоханссону. Пусть тоже знает.

* * *

– Делла, как я рад тебя видеть!

Кид Тернер встал навстречу и распахнул объятия. Ого. Что-то он расчувствовался. За его спиной сидела Мелви Сатис-Маккинби, моя лучшая подруга, и лучилась офисной улыбкой. Ну ясно.

Я рассеянно скользнула взглядом по стенам, окнам, потолку. Нет. То ли система слежения очень качественная, то ли ее сняли вовсе. При том, что еще год назад здесь стояла штатная «наблюдалка». Для меня это сигнал: отключаем профессионала, включаем дурочку.

– Рассказывай. – Кид подвинул для меня стул, кивнул Мелви, чтобы та включила кофемашину. – Я за тебя ужасно переживал. Когда позвонили и сказали, что ты после родов тяжело заболела... Я чего-то подобного и ждал. У тебя должно было хватить здоровья до родов. Но потом... Кстати, я видел очень интересный отчет наших инфекционистов, работавших на Саттанге. Все Чужие, найденные там в саркофагах, погибли от воспаления легких. Сейчас идет работа по выделению возбудителя, это чрезвычайно важное исследование...

– И чем оно так важно? – удивилась я. – Его ж прекрасно быют наши лекарства. А если мы решимся на экспедицию в галактику Чужих, там точно нет этого возбудителя, они его миллион лет назад задавили, иначе бы и к нам не долетели.

– Тоже верно, – согласился Кид. – Но, видишь ли, этот возбудитель обнаружен только на Саттанге, что может говорить...

Похоже, дурака тут включила не только я.

– Кид, возбудитель бубонной чумы тоже есть только на Земле. В отличие, как ни странно, от холеры и дизентерии, которые есть везде. Это не повод считать, что чуму к нам завезли извне. Если б завезли, были бы следы в египетских пирамидах. Опять же, совсем не обязательно, что саттангский возбудитель для нас опасен. У меня случилось обыкновенное воспаление, из-за того, что после родов я трое суток лежала плашмя, возник застой крови в легких. Саттангским воспалением я должна была заболеть намного раньше, не бывает пневмонии с таким огромным инкубационным периодом. К тому же индейцы своей пневмонией не болеют, а они чувствительны к тем же болезнетворным агентам, что и люди.

– Да, да, – кивал Кид так, словно для него индейская пневмония была важнейшим делом всей жизни.

Кофе-машина тренькнула, сообщая, что хватит спорить, кофе поспел.

Я пригубила из чашечки. Ну ладно, работать-то мне нужно.

– Кид, я присылала тебе документы, ты никак не откомментировал их.

– Документы? Ах да. Про шанхайскую коррупцию? Делла, Шанхай – это такая страна, где коррупция – обязательная часть системы. Если ее ликвидировать, государство рассыплется. Забудь. Тебе совершенно не нужно беспокоиться по этому поводу.

– Меня больше интересует твое мнение о Мэдлин Рассел-Грей. Мне она не понравилась. Кид тяжело вздохнул.

– Делла, я знал ее отца. Себастьян Грей был хороший человек и специалист прекрасный... в молодости. Но потом его начали обуревать какие-то сверхценные идеи. Он заигрался в политтехнолога, это случается с резидентами. Мне очень, очень жаль. Я протянул время и в итоге ошибся. Надо было настоять на отзыве Грея. Он остался бы жив, и семья тоже. Мэдлин, боюсь, слишком впечатлительная. Ее можно понять. Но теперь идеи Себастьяна, которыми он делился с ней, стали для нее почти что религией. Я сочувствую бедной девушке, конечно. Если бы она обратилась ко мне, я нашел бы способ помочь... – Кид хитро поглядел на меня. – Если увидишься с ней, случайно, разумеется, передай мои слова.

– Сомневаюсь, что встречу. А если встречу, то ничего передавать не стану, я просто привезу ее к тебе.

– Да, это было бы идеально.

– Понимаешь, мне не нравится то, что она затеяла. Коррупция – это действительно чепуха. Но она пытается подорвать наше доверие к шанхайской делегации, обвинив некоторых ее участников...

– О да! – бурно согласился Кид. – При том, что мы проверили всех. К нам присылают действительно достойнейших, тех, кто будет модернизировать Шанхай, и им нужен наш опыт...

У меня чуть скулы не свело.

– А что ты скажешь про Николса?

Удивительно, но вот этого вопроса Кид не ждал.

– Николс?

– Ну да. Билл Николс. Сайгонский крестный отец. У человека досье зачищено так, что я даже испугалась за него.

Кид Тернер поморгал.

– Билл Николс. Да. Насколько мне известно, неплохой человек. Конечно, я слышал про него. Но ты же понимаешь, там конкуренция, информационная война... Типичный олигарх средней руки. Помешан на восточной экзотике. Кстати, он не наш гражданин, он отказался от гражданства. Не знаю, вероятно, уже получил гражданство Куашнары.

Про гражданство я, между прочим, не спрашивала. Кид не мог случайно обмолвиться, значит, ему отлично известны мои источники и известно, что может истечь из них.

– Ты его детей видел? Приемных?

– М-м... Зачем? Он не по моему профилю. Слыхал, что вроде воспитывает каких-то китайчат...

– Китайчат? Кид, у них явно эльфийская осьмушка. И кто мать этих детишек – большой вопрос.

– Хорошо, я разберусь, – быстро сказал Кид Тернер. – Но, по моим данным, дети там даже не родственники между собой. Была местная школа, интернат для сирот, ее затопило паводком, выжило только два парня, их-то Николс и усыновил.

Он нервно пошевелил карточки на столе. Мелви встала.

– Кстати, извини, у меня сейчас совещание, – буркнул Кид Тернер. – Ты не обижайся, Делла, просто ты сильно отошла от наших реалий. Я понимаю, семейная жизнь. И как по мне, лучше бы ты уделяла больше внимания ребенку. Да и своему внезапному индейскому мужу тоже, а то я его месяц назад видел – он какой-то иссохший и явно нуждается в женской заботе. Вон, возьми пример с Мелви, она сегодня последний день работает, потому что для женщины

семья должна быть на первом месте. А вы даже этот ваш экзотический брак не зарегистрировали как полагается. Не ожидал я от тебя такого эгоизма.

– От меня?..

– А от кого еще? Ждешь, пока Август еще и пить начнет? Делла, ты глаза раскрой. Мужчина не приносит ради женщины таких жертв, если равнодушен к ней. Чего тебе еще надо-то? Я понимаю, раньше ты болела, да и беременность... но сейчас тебе что мешает осчастливить его?

Я только моргала.

– Ладно. Это, в конце концов, ваши дела. Дождешься, что он с горя обвенчается с первой же потаскушкой – тогда вспомнишь мои советы. Мелви, ты ведь домой сейчас? Подхвати Деллу, она тоже в Пиблс останавливается, когда приезжает. А то скажут еще, что я выгнал уважаемую женщину, княгиню, и даже машину до аэропорта ей не выделил...

Мы с Мелви вышли молча. Плечом к плечу, как деревянные, едва не печатая шаг, промаршировали через кампус к парковке. Длинную черную «ланду» с застывшим подле нее индейцем в ливрее Маккинби я увидела издали. Он открыл перед нами дверцу, помог устроиться в салоне.

Мелви упорно молчала.

* * *

В аэропорту нас ждал маленький, но шустрый самолетик с гербом на фюзеляже. Белый баран на красном поле. Отчего-то я вспомнила некоторые правила геральдики. Понятно, что там делает баран. Но почему на красном поле? Ведь красный – цвет воинских заслуг, цвет ярости. А Маккинби получили герб за гуманитарную помощь, за поставки на Землю, раздавленную Катастрофой, миллионов тонн баранины.

Стюард предложил нам фреши, я взяла томатный, Мелви – яблочный. Жадно отпила и уставилась в иллюминатор. Самолет коротко разбежался и легко оторвался от земли. Мелви вздохнула и выругалась.

– Небось только сегодня узнала, что увольняешься? – спросила я.

– Нет. Вчера. Да на кой мне увольняться? По крайней мере, в ближайший год. Ну да, я на третьем месяце. И что? Я еще полгода могу работать. Потом ушла бы в отпуск и вернулась, Лайон как раз присмотрел дом в Мадриде. И нате вам. Лайон вчера получил новое назначение. Его снимают с округа и забрасывают на долбаную периферию. На равноценную должность – командующим новым, свежесозданным округом! Доверие оказали, понимаешь? Нет у нас второго такого мастера, спаси-помоги, добрый дядюшка Лайон! Орден потом дадим! Вот подляна... Он же хотел на пенсию. А с нового округа ему просто долг не позволит уйти, пока там все не наладит. Значит, еще минимум пять лет. И мне придется лететь с ним, иначе будем видаться в лучшем случае раз в полгода...

– Я не заметила прослушку в кабинете.

– Ее нет. Сняли, там ремонт со дня на день.

– Кид... переезжает? – осторожно спросила я.

– Все хуже. Висит на волоске. Его капитально подсидели.

– И Мэдлин имеет к этому отношение?

Мелви покачала головой:

– Дел, если кто на Сайгоне и был мафией, так это Греи. Уже сто лет назад они там могли решить любой вопрос. Наши очень долго их окучивали. И все, чего добились – патриарх согласился посадить резидентом своего малахольного сына Себастьяна, творческую личность, а попросту говоря, лентяя, которого уже и не надеялся пристроить к делу. Для надежности женил его на хваткой дамочке из проверенной семьи. От этого брака родился сын, Хорас Грей. Вроде

бы весь в дедушку рос, бандит бандитом. Но постепенно Себастьян начал меняться. Он то ли повзрослел, то ли ему как раз такого занятия не хватало – стал очень даже неплохим резидентом и вместо интересов семьи отстаивал в первую очередь интересы нашей разведки. А еще та самая творческая личность из него поперла – Кид неспроста сказал, что Себастьян был с идеями. Он такие комбинации проворачивал... И Хорас тоже показал себя достойным наследником отца, а не деда. На этой почве у них пошли трения с родней. Совмещать криминальный бизнес со шпионажем опасно для бизнеса, сама понимаешь. Тут еще Себастьян с женой развелся. А Хорас познакомил его с Рут Рассел, полусестрой Джимми Рассела. Старший Грей запретил сыну даже думать о браке с полуэльфийкой, а тот сделал назло. Семья уже всерьез обиделась, но пока все думали, как бы Себастьяна поставить на место, он взял да просто выдал своих дорогих родственничков из Сайгона. Опираясь на нашу разведку – аккуратно, без стрельбы, все-таки не чужие люди... Родились две дочки, все шло как по нотам. Потом Хорас Грей привел Билла Николса. Сказал отцу: кто-то должен быть «смотрящим» с нашей стороны, а Билл справится. Никакого криминала за Биллом не было. Так, сомнительные связи, не более того. Работал он поначалу на капиталах семьи Грей, его Хорас обеспечил. И я тебе честно скажу – все было нормально. Ни к Себастьяну, ни к Хорасу, ни к Николсу у Земли претензий не было. Да, они вели там свои игры, но все в рамках дозволенного, а местами даже и желательного – я имею в виду контрабанду, которую Николс действительно подмял под себя. Мы исправно получали информацию самого лучшего качества, все задачи влияния выполнялись безупречно, вплоть до того, что через Греев иногда удавалось спасти наших агентов, которые провалились в Шанхае. Твой знакомец Вэнь сумел бежать, когда в последний момент по собственной инициативе к его побегу подключился Себастьян. Грей за это получил орден, потому что Вэнь вывез ценнейшего специалиста. А год назад все рухнуло. Пришел некто с армейским пулеметом и сделал из семьи решето. Это убийство до сих пор толком не расследовано. И оно вскрыло такое, что всем поплохело. Конечно, первые кандидаты – конкуренты Николса. Но сам он не пострадал и даже забрал куда больше влияния. Второй кандидат – Николс, но это слишком явно.

– А Мэдлин сотрудничать не спешит.

– Вот именно. Она в бегах. Возникает ниоткуда, исчезает в никуда. За ней гоняются наши, очень хотят поболтать, а ничего не получается. Она – третий наиболее вероятный кандидат. Да, чисто теоретически именно она в течение первых двух месяцев после гибели отца закрывала его миссии. Сколько она знает – страшно и предположить. Но вот о том, что за ней охотятся китайцы, – я узнала, например, конкретно из твоего письма. Ни Николс, которого она, исходя из твоих данных, хочет свалить, ни китайцы ею вовсе не интересовались.

– А Кид?

– Это самое сложное. Он до последнего ее прикрывал. То, что Мэдлин до сих пор не сдавали, его заслуга. И подставила его, фактически, она.

– Чё, славная девушка.

– Угу. Конечно, теперь-то Кид очень хочет ее видеть. У него к ней вопросы накопились, мягко говоря. Она с таким двойным дном, что я при встрече первым делом прострелила бы ей коленку. Ну так, на всякий случай, чтобы не убежала.

– Что характерно, Август ее тоже выгораживает.

– Август! – Мелви фыркнула. – Делла, не будь наивной. Август мужчина. Настолько умный мужчина, что способен приручить даже гремучую змею – ну, ему так кажется... Естественно, он не видит в Мэдлин врага – ведь он-то с ней всегда справится. Опять же, детские воспоминания. Опять же, красивая. А он же считает, что раз красива, то и умна, а раз умна, то способна осознать убедительность его аргументов. И никак ты эту стену не прошибешь.

Я сунула пустой бокал в отделение для грязной посуды. И вовремя: самолет ухнул в воздушную яму. Красивое лицо Мелви исказилось, она успела пробормотать «ненавижу...» и рас-

крыть гигиенический пакет. Я отвернулась, чтобы не смущать ее, ну и чтобы не проблежаться за компанию. Рвота – это весьма заразный процесс, как и зевота.

Когда самолет выровнялся, Мелви отругалась – и на свою беременность, и на воздушные течения. Стюард убрал осколки ее бокала вместе с лужицей сока и принес лимонад. Я попросила себе кофе-ристретто – не знаю, кому как, а меня крепкий кофе всегда избавлял от тошноты. Мелви голодными глазами проводила мою чашку и пожаловалась, что врач запретил ей кофе до самых родов. Теперь она только нюхает и копит слюнки.

– У Августа опять проблемы? – спросила я незначительным тоном.

– Ты меня об этом спрашиваешь? – засмеялась Мелви.

– Больше некого. – Я отпила кофе и глубоко вздохнула. Звон в ушах прекратился. – Он перестал откровенничать со мной.

– Бережет? – Мелви хихикнула.

Я пожала плечами.

– Девица действительно настолько плоха?

Мелви кашлянула. Потом отвернулась:

– Ну, строго говоря, Кид преувеличивает. Мы вчера спорили с ним, сказать тебе или нет. Я была против. Что-то мне кажется, ненадолго это. Опять же, если Август тебе ничего не говорит... Если бы намечалось что серьезное – ну неужели он не предупредил бы тебя?!

– И зачем мне нужно знать о его личной жизни?

Я старалась говорить равнодушно, но получилось холодно. Мелви поняла меня по-своему.

– Дел, не принимай близко к сердцу. – Вздохнула. – Кид вечно как ляпнет...

Я отставила пустую чашку и расправила юбку на коленях.

– Личная жизнь Августа меня никак не касается. У нас деловые отношения. Причем не столько даже с ним, сколько с его семьей.

– А контракт ты продлевать не стала, что ли?

– Стала. Но контракт давно уже просто фикция. Август не взял ни одного расследования с того момента, как мы вернулись с Саттанга. Повышал квалификацию, занимался бизнесом, а работа его не интересует. Он даже в кларионский офис взял второго секретаря и наконец-то поладил с ним. Я не нужна и на этом направлении тоже. Я думала, он клюнет хотя бы на загадочную Мэдлин Рассел-Грей, тем более когда-то был в нее влюблен, – не-а, не купился.

– А тебе хотелось?

– Как сказать... Скорее да, чем нет. Я уже озверела от размеренной жизни. Мне уже начинает казаться, что моя постоянная возня с Огги – не столько материнская привязанность, сколько форма защиты. Прячусь в своего ребенка, чтобы не вспоминать, кто я такая... И что за девушка?

– Только не смейся – филолог.

– О-о! – Я закатила глаза. – Надеюсь, она хотя бы настоящий филолог?

– Специалист по древнекитайской литературе.

– Ага...

– Да, Август познакомился с ней полгода назад. Аккурат когда ты забросила учебу. Ты торчала в Пиблс, а он пять дней в неделю жил в Мадриде и каждый вечер ужинал с ней. Что любопытно – не приводил к себе домой. А ужинал в «Соловье», прикинь!

– Что за «Соловей»?

– А, ты не знаешь. Ресторанчик для взрослых. В том смысле, что его облюбовали преподаватели и избранные старшекурсники. Мы с Кидом там частенько бываем. Отличная кухня, посредственная винная карта, превосходный турецкий кофе. Август сначала ходил туда с нами, а потом как-то пришел с девицей. Сказал, что студентка, но знающая, он пригласил ее, чтобы в комфортной обстановке разобраться в одной узкой теме, бла-бла-бла. Когда он уезжал, девица

пыталась общаться с нами – Август ее представил, она и возомнила, что мы, конечно, будем рады ее развлечь. Кид проговорил с ней весь вечер и больше не захотел. Как по мне – типичный пример филологини с амбициями. С одной стороны – опупенное ощущение собственной значимости для мира, с другой – все-таки неплохая квалификация по специальности. По-китайски шпарит без акцента, классику знает назубок. Пару месяцев назад она получила диплом, а тут как раз вы с Августом решили вернуться на Таниру. Так она поперлась за вами, а поездку ей оплатил Август.

Я вспомнила, что после возвращения на Таниру Август чрезвычайно редко ужинал дома... Приходил обычно под утро, со мной держался невозмутимо и дружелюбно, но ни словом не заикался о том, где пропадает каждый вечер.

– Надо полагать, она красивая.

– На мой взгляд, ты лучше.

– Мелви, моя внешность значения не имеет.

– А мне интересно, что скажет эта фифа, если ты пойдешь и зарегистрируешь свой индейский брак. В одностороннем порядке. С тем набором документов, какой вы привезли с Саттанга, ты можешь это сделать.

– Надо?

– Не знаю. По-моему, лучше все-таки немного выждать. Кид считает, что надо.

– Мне уже интересно, что Киду сделала эта девушка.

– Ничего. Просто он сочувствует тебе.

– И потому советует влезть в неприятности и на пустом месте поссориться с Августом?

Прикинь, мой босс подумывает жениться, а тут я ему подбрасываю лишнюю проблему.

– А может, он не думает жениться. Может, он уже не знает, как от нее отделаться. Она же с Таниры поперлась за вами следом. Остановилась в Эдинбурге.

– Опять платил Август?

– Естественно.

– И где основания считать, что он не знает, как отделаться? По-моему, его все устраивает.

– Дел, если б устраивало, он познакомил бы ее с семьей. Не забывай, теперь это и мои дела – я ведь тоже член семьи.

– Она ж тебе понравилась?

– С чего ты взяла? Кид преувеличивает ее недостатки, но и того, что вижу я, хватает! Она типичная образованная дура с филфака. Я не хочу видеть ее на наших семейных праздниках. А Август, между прочим, любимый внучатый племянник Лайона, и уже поэтому его жена автоматически вхожа в наш дом.

Я помолчала. Очень хорошо подумала. Потом все-таки сказала:

– Мелви, а почему эту проблему должна решать я? Тебе не нравится девушка – вот ты от нее и избавляйся. У тебя влияния на Августа едва ли не больше моего.

– Делла, ну как ты не понимаешь...

– Отлично понимаю! – Я чуть повысила голос. – Ты просто хочешь остаться чистенькой. Тебе не хочется, чтобы Август помнил, как ты поссорила его с подружкой, вот и подбиваешь меня. Вроде как я вмешиваюсь, а ты ни при чем. У меня будет репутация стервы и интриганки, а ты на моем фоне будешь ну просто ангелом. Нет уж. Я желаю Августу всяческого счастья. Ему давно пора жениться. Почему бы и не сейчас? Почему бы и не на этой девушке? Роман для него феерически долгий, значит, там все серьезно, и чего ради я буду их ссорить?

Мелви не обиделась. Только фыркнула:

– Ну-ну. Я погляжу, что станет с твоим положением, когда Август наконец рассекретит свои отношения с этой штучкой.

– Разведемся в разные стороны и останемся друзьями, – сказала я. – Все равно рано или поздно это произойдет. Мел, ну глупо думать, что мы вернемся к прежним ролям – великий

инквизитор и его верная ассистентка. Мы оба переросли эту игру и должны искать новый путь. Каждый – свой путь.

– А что будет с базой Чужих на Саттанге? Насколько я помню, она ваша общая.

– Общая только по документам. Я не вложила в нее ни гроша.

– Ой, Дел, хватит приbedняться. Ты вложила в нее свою кровь. Август просто на готовое пришел. Все нашли и подготовили ты и твой брат.

– А Август заплатил шесть миллиардов.

– И на этом основании ничего не должен вам с Крисом?

– Мел, послушай, не надо. Август нам действительно ничего не должен.

– Но я хочу понять!

– Хорошо. Ты в курсе, под какой процент он дал кредит Крису? Тот кредит, без которого Крис не смог бы оформить Дивайн на себя? Это беспроцентная ссуда. Август совершенно бесплатно спас моего брата и совершенно бесплатно спас меня. Еще и приплатил. Так что с нашей стороны было бы верхом бесстыдства предъявлять ему претензии.

– Крис с тобой согласен?

– Абсолютно. И довольно об этом. Уж такие вопросы мы вполне можем решить сами.

– Я разве спорю? Только ты мне вот что скажи: тебе самой не обидно? Ты столько вложила в Августа. То, что он стал похож на человека, – твоя заслуга. И все это теперь достанется другой?

– И пусть. Мне оно не досталось бы в любом случае.

Мелви только скрипнула зубами и откинула голову на спинку высокого кресла.

– Я дура, – призналась она. – Я исключительная дура. Ревнивая дрянь. Знаешь, сколько раз я проклинала себя за то, что тогда, в университете, сказала тебе правду про него? Вот что мне стоило промолчать? Глядишь, у вас все сложилось бы...

– Не сложилось бы. Промолчи ты тогда – и что? Он как был принцем, так и остался.

– И ты бы его бросила? Если б уже успела привязаться?

– Моментально. Потому что сочла бы скрытность подлостью.

Мелви очень тяжело вздохнула:

– Тогда дура – ты.

– Да я-то с чего дура? Мел, Август никогда не увлекался мной всерьез. Ты права – я заставляю Августа быть похожим на человека, хотя бы временно, только для него это сущее мучение... Да, на него иногда находит что-то, но ненадолго.

– Ах, все-таки находит?

– Слушай, я не хочу об этом.

На губах Мелви заиграла хищная улыбка. Я влипла. Ладно, как-нибудь переживем.

– Не хочешь – как хочешь, – легко согласилась она, и в самом этом согласии крылся подвох. – Можем поговорить о чем-нибудь другом.

– Да-да. Вернемся к нашим баранам.

– К китайским?

Мы засмеялись. Да уж, хороша игра смыслов – если вспомнить, что в гербе Маккинби akurat китайский баран и красовался.

– Расскажи про Мэдлин Рассел-Грей, – попросила я. – Если уж мы взялись обсуждать женщин, то лучше ее.

– Я мало знакома с ней. Она всегда одинаковая.

– Что ты слышала о ее детях?

– Дети, – кивнула Мелви. – Вроде бы двое. Вроде бы растут в баснословно дорогом и престижном интернате.

– И какие проблемы узнать? Их же внешность выдает. Нельзя выяснить, где учатся двое эльфов?

– Нигде не учатся, – ответила Мелви. – Лично узнавала.

– В Куашнаре?

– Если только.

– Не в том ли интернате, который якобы затопило и из которого Билл Николс забрал двух чудом спасшихся мальчишек? По странной случайности никто больше не выжил. Ни учителя, ни персонал, ни другие дети. Только эти двое.

– Знаешь, на мой взгляд, это слишком откровенный шаг для Николса. Он мужик-то продуманный.

– А если он считает Мэдлин сумасшедшей? – предположила я. – Допустим, она на почве мести за отца свихнулась. То, что она рассказывает, вполне тянет на манию преследования... Николс знает Мэдлин давно и хорошо, может сравнить то, что было раньше, с тем, что есть сейчас. И он просто спасает детей от нее.

– Дел, тогда ты права, и они его родные дети. Иначе ему пришлось бы оформлять им фальшивые документы, а это – готовое обвинение в киднепинге. Значит, у него есть законное право удерживать детей у себя.

– Кстати, кто натравил на него федералов?

– Спроси у Кида, – посоветовала Мелви с многозначительной улыбкой.

– Понятно. Те же, кто подселел его. И ты совсем ничего не знаешь?

– Верь не верь – совсем. Только вчера услышала. Вместе с известием об увольнении.

Аккурат после слов, что мой рабочий допуск аннулирован.

– И как Кид собирается решать трудовой спор? Вот так взял и уволил?

– А у меня отпуск за два года не гулян. Формально я в отпуске.

– Ладно... – Я выбила пальцами дробь по подлокотнику – и резко сжала кулак. Жест, подхваченный у Августа. Нет, целых два жеста. Он точно так же делал, когда ловил себя на том, что стучит пальцами.

– Конечно, я сама не успокоюсь, – буркнула Мелви. – Просто теперь мне придется тратить больше времени на сбор информации.

– Еще Йена Йоханссона надо будет потрянуть.

– Это ты сама.

Я покивала.

– Что-то у нас не складывается, – сказала я. – Есть куча фигур, и каждая ведет себя наиболее глупым для ее положения образом. Но фигуры-то – далеко не дураки. Значит, мы неверно понимаем их положение и роли в игре. Так?

– По-моему, у нас просто не хватает данных.

– А ты знаешь, каких именно?

– Если бы знала, добыла бы. Мне, как бы тебе сказать, не понравилось, что меня уволили. Я понимаю, Кид выводит из-под удара всех, кто ему симпатичен, но это означает, что сам он уже сдался. То есть для себя он выхода не видит. Если, конечно, ему на блюде не принесут чертову Мэдлин.

– А ведь я ее вот так близко видела...

– М-да... – Мелви только вздохнула.

– Я смотрю, ты и мысли не допускаешь, что она могла говорить правду.

Мелви покачала головой:

– Я быстрее поверю в то, что Николс действительно украл ее детей, а помогал ему в этом Хорас Грей. И Мэдлин, не сумев договориться с братом, навела киллера на него, чтобы Николс понял, как все серьезно. Не рассчитала и заодно угробила отца, мать, сестру... Дел, она слишком спокойна для женщины, которая разом потеряла всю семью. Такое спокойствие демонстрируют убийцы. Это у них бывает – а-а, не знаю, куда жена пошла, мы поссорились,

она оделась и выбежала, крикнув, чтоб я забыл о ее существовании. А жена в это время лежит в ванне, порубленная кухонным топориком.

– Меня волнует то, что интрига развернулась на самой границе Шанхая, а китайцы вроде как и ни при чем. То есть их интересов я тут не вижу.

– А Мэдлин тебе эти интересы подкинула. И заметь – она не узнавала, какое отношение ты имеешь к делу. Она просто вывалила на тебя инфу, про которую кто-нибудь умный мог сказать – странно, что ее нет.

– Вот тут ты ошибаешься. Этого не было в моем рапорте. Мы познакомились с ней чуть раньше, накануне. И разговор у нас был именно про китайцев. Собственно, про то, как относятся китайцы к новому императору и что он за человек... Между прочим, вспоминая Сайгон, Мэдлин вообще не упомянула Николса, даже намеком. Она говорила только про китайцев. А про Николса мне на следующее утро рассказал Йен Йоханссон. Кстати, Август считает, что свалить Николса можно одним способом – посорить его с китайцами. Я абсолютно уверена, что у него свои источники информации, он не обсуждал тему с Мэдлин. А она потом сказала практически то же самое.

– Вообще... Знаешь, в чем ты права? Действительно странно, что китайцы не пытаются найти свой интерес в заварушке. Не помню случая, чтобы они упускали шанс. А тут им в руки идет Сайгон. Наша агентура там частично выбита, частично бежала, под Николсом земля горит, а китайцы как будто не замечают.

– Так, давай попробуем свести то, что у нас есть. За Николсом охотятся федералы: они считают его нашим беглым преступником. Куашнара его не отдает: он сдерживает как китайцев, так и наш криминалитет. Китайцы не отдают, потому что их до сих пор никто не просил об этом. Николс воспитывает двух явно эльфийских мальчишек, называя их приемными. Йоханссон утверждает, что в составе китайской делегации нет ни одного прогрессиста, сплошь консерваторы и помощники старого императора. Мэдлин утверждает... Кстати, она действительно должна была переводить?

– Да.

– Мэдлин принимает назначение, затем узнает, кто прилетел, и начинает метаться. Она утверждает, что в числе помощников делегатов прилетели люди, ответственные за убийство ее отца. Заметь – китайцы. Причем не мафия, а чиновники. Она сдает несколько коррупционных схем, но ни словом не заикается о приемных детях Николса. Кида подсидели, и подсидели из-за Мэдлин. Николс – протеже семейства Грей. Это семейство открестилось от Мэдлин, она пользуется помощью Расселов. Близкая подруга Расселов утверждает, что были слухи, будто у Мэдлин двое детей от Николса, и он их выкрал. Что тут лишнее?

– Дел, ты как хочешь, но детская история – лишняя.

– Вот и мне так кажется.

Я потеряла лоб, потом глаза. Когда ж они перестанут чесаться?

– Пока мне ясно одно. В нашей разведке есть два лагеря. Тот, к которому принадлежит Кид, поддерживает Мэдлин. Не знаю, может, ее прочат в агенты влияния куда-то на самый верх Шанхая. Да хоть во дворец, неважно. Второй за ней охотится и пока явно пересиливает Кида. Этому лагерю – если верить, что Кид озвучил их позицию, просто для нашего сведения, – выгодно, чтобы Николс оставался на месте, а шанхайскую делегацию приняли как дорогих гостей. По всей видимости, в этом же заинтересован и новый император, что странно, учитывая его отношение к отцу. Все это меня беспокоит, потому что китайцы – дивно логичная нация. Зачем, спрашивается, посылать людей, которые ненавидят Землю и не пойдут на компромисс, если нужно договориться? Зачем крышевать Николса, если нужно свалить чиновников старого императора? Значит, либо у молодого императора совсем другие планы, либо у нас не хватает нескольких звеньев.

– Что, в общем, одно и то же. Дел, давай ткнем пальцем в небо? Сейчас приедем, спросим у Лайона. Он вообще ни при чем. И может что-то увидеть именно потому, что посторонний.

– Я готова не только у него спросить, а даже у леди Памелы.

Мелви засмеялась. Да уж, хочешь услышать ответ младенца – спроси у нее.

Но ведь устами младенца глаголет истина...

* * *

– Девочки, китайцы – одна из самых понятных культур, – говорил Лайон Маккинби. Он ломал хлеб на маленькие кусочки, обмакивал в соус и поедал их так аппетитно, что мне тоже хотелось, но я терпеть не могла этот соус. – У них фактор человеческого каприза крайне незначителен. Одна фигура значима, только если она стоит на самой вершине. И то капризы там мелкие – женщины определенной внешности, экзотическая еда, всякая роскошь... Значение в Китае имеют не большие люди, а большие идеи. Если личность выдвинулась, значит, она проводит большие идеи, понятные и приятные государству. Это не европейская культура, где отношения зачастую выстраиваются на личной симпатии. В Европе к государствам порой относились как к людям. Приписывали им зависть, обиду и так далее. В Китае, равно как и в любой другой огромной стране, это неестественно. Государство больше человека. Достаточно взглянуть на то, какую площадь занимал древний Китай, чтобы это понять. В Европе авантюрист мог за сутки-двое уехать в другую страну, враждебную исходной. В странах вроде Китая это невозможно. Потому и зависимость человека от государства была совсем другая.

Мы с Мелви слушали его размеренную речь. Не знаю, о чем размышляла подруга, а я думала: какая к черту пенсия, в Военный университет ему надо, преподавать. Только прикладники умеют формулировать свои мысли так четко и емко. Учатся этому в боевой обстановке.

– Так вот, применительно к нашим баранам. Китайцы очень не любят шпионов. В силу своей огромности у них мощное чувство собственной территории, собственного государства. Если Европа еще в Средние века привыкла, что соседи с двух сторон могут переключаться через страну между ними, то Китай всегда варился в собственном соку. В Европе принцип невмешательства в дела соседа пришлось насаждать силой. Для китайца само представление о том, что иностранец может манипулировать внутренними процессами в его стране, – дикость. Дикость и невыносимое хамство. Не стоит забывать, что европейцы постарались укрепить китайцев в этом мнении. Опиумные войны, иезуитская миссионерия и так далее. И таков весь истинный Восток. Они проще относятся к воинственным ордам, вторгающимся в их страну, чем к шпионам.

– Грей много лет был шпионом и сидел на сопредельной территории, – напомнила Мелви.

– Во-от, – Лайон поднял палец. – Китайцы не считают наблюдателей, каким был Грей, настоящими шпионами. Ну, пусть глядит. Порой их даже смешат иностранные соглядатаи, они слегка издеваются над ними, придумывая для них китайские имена-прозвища, вроде Розовые Уши или Бородавка Под Глазом. Как правило, такие наблюдатели страдают только во время тотальных чисток, и то их чаще высылают, чем казнят или убивают. На чужой территории китайцы чистки не проводят. Но если человек начинает вмешиваться в их дела, совершает действия, которые могут вызвать изменения во внутренней политике, – он в большой опасности, где бы ни находился. Его достанут где угодно и накажут.

– То есть, когда Грей докопался до отмывочных схем... – начала было Мелви.

– Или что-то еще. Николс вовремя переметнулся на китайскую сторону и поэтому выжил. Но к нему тоже относятся плохо. Им пожертвуют без колебаний. Я допускаю, что сведения против себя нашим федералам он сбросил сам. Для него земная тюрьма означает шанс выжить. Но он еще побахтается.

– Хорошо, а делегация? – спросила я.

Лайон отмахнулся:

– Это изгой. Император таким образом решает свою внутреннюю проблему. Китай всегда был ориентирован вовнутрь, а не вовне себя. Свойство больших стран, которым не нужен компромисс решительно со всеми соседями. Какие полномочия у этих делегатов? Их выпроводили на увеселительную прогулку. Туда, где они не смогут лишнего шага сделать без присмотра федеральной безопасности. Я бы еще вот над чем подумал: нам прислали людей, с которыми невозможно договориться. Но мы будем пытаться. Над проблемой будут работать лучшие умы. Не отвлекающий ли это маневр? Хотя скорей всего их просто выслали на время. Оторвали от рычагов управления, лишили шанса влиять на внутренние процессы здесь и сейчас. Вернувшись, они окажутся никем. И если не осознают этой важной мелочи, то станут трупами. Шанхаю сейчас нужен внешний опыт, и внешняя торговля тоже. Для решения этой задачи они приглашают к себе нашу делегацию. Я видел список. Там хороший подбор специалистов, все понятно и логично. А китайские делегаты пусть у нас поболтаются, чтобы дома не мешали. Очень простое, эффективное и красивое решение. Кстати, императору совершенно наплевать, что мы будем ломать головы над этой загадкой. Если он узнает, как мы озадачены, только посмеется.

– А если мы поймем его неправильно, выдумаем лишнее и наделаем глупостей?

– На-пле-вать, – повторил Лайон. – Уясните эту простую концепцию, милые дамы, и вам откроется Истинное Знание. Или Высшая Истина, я забыл.

У меня в голове будто щелкнуло что-то. Вспомнила, какую выволочку однажды схлопотала от Лайона Маккинби, будучи юным и самоуверенным лейтенантом. «Уясните эту простую концепцию, лей-те-нант!» – рычал Лайон шикарным басом, оправдывая свое имя.

Он ведь тогда до меня – снизошел. Генералы не песочат лейтенантов, они их в упор не видят. Много позже я узнала, что его первая жена – такой же, как я, разведчик-«тактик» – погибла в бою. И с тех пор Лайон, когда молодые лезут очертя голову в пекло, воспринимает это как свою персональную ошибку... А иначе черта с два он стал бы персонально возиться с молодежью, растолковывая детали, которые всякой мелюзге и знать-то не положено.

А теперь мы сидим за одним столом чисто по-родственному, и за плечами у нас много-много всякого-разного. И генерал благоразумно женат на разведчице, которая в поле не пойдет. И у них с Мелви понятно, что впереди, только у меня – пустота.

Стало вдруг холодно.

– Так, – кивнула Мелви, – а дети? Дети Николса?

– Это не ко мне. Может, у него и вправду были отношения с Мэдлин. Но устранить ее он пытается не из-за детей, а из-за бизнеса. И не обязательно он – возможно, его китайские партнеры. Общие дети – не повод убивать, а лишний шанс договориться. Значит, проблема не в детях.

...После ужина мы с Мелви пошли в сад.

– Ну? – Я посмотрела направо, где в любимой беседке леди Памелы горел фонарик. – Проверим версию с младенцем, который глаголет истину?

– А нам есть что терять?

– Конечно. Если Памела переволнуется и будет плохо спать ночью, на нас обидится Скотт Маккинби.

Мелви пофыркала, но направилась к беседке.

Мы очень старались изложить для Памелы всю историю так, чтобы опустить максимум шокирующих подробностей. Но леди все равно испугалась и возмутилась. Выслушав прочувствованную тираду о том, что совершить такое преступление, как расстрел безоружного семейства, могла только китайская мафия, Мелви сумела вставить словечко:

– Леди Памела, а дети Николса?..

– Это дети чьи угодно, только не Мэдлин, – категорично ответила та. – Потому что, девочки, вы очень молоды. Делла всего два месяца как мать, а тебе, Мелви, еще только предстоит ею стать. Мать никогда не бросит детей. Николсу достаточно было пригрозить детям, чтобы Мэдлин пожертвовала собой и приехала куда сказано. Но раз она по-прежнему в бегах, значит, детьми ее не шантажируют. Значит, это не ее дети.

Я деликатно промолчала, а Мелви продемонстрировала чудеса забывчивости. По нашим лицам никто не смог бы угадать, о чем мы думаем. Леди Памела Торн была второй женой Скотта Маккинби Старшего. Она вышла замуж в двадцать два года, несколько месяцев радовала немолодого супруга детской непосредственностью, а потом забеременела. По неизвестной причине беременность сильно огорчила ее, до такой степени, что развилась депрессия. И тут очень не вовремя до Памелы дошла новость о трагедии в семье. Леди Элен, матушка Августа, родила второго ребенка, но его по нелепой случайности уронили в клинику: один шанс на сто миллионов, и он выпал семье Маккинби. Малыш погиб. Эта беда добила несчастную леди Памелу. Когда ей после родов показали младенца, она заявила, что это не ее ребенок, она вообще не была беременной, и это, наверное, ребеночек Элен, зачем врачи врут, будто он умер, надо немедленно отдать его матери... Словом, так вышло, что новорожденного действительно забрала леди Элен, а леди Памелу доставили в закрытую клинику, где она провела следующие три года.

Алистер Маккинби называл Элен мамой, ее мужа папой, ее детей – братьями и сестрами. Ни родная мать, ни родной отец нисколько им не интересовались: растет и растет парень, все замечательно, беспокоиться не о чем, другое дело леди Памела, вот кому худо-то. Само собой, такое отношение к ребенку возмущало и леди Элен, и Марка Маккинби, который своего тестя и без того не особенно любил.

Алистеру было три, когда леди Памелу наконец отпустили домой. Разумеется, сына ей тут же привезли. Она похлопала на него большущими глазами, сказала: «Какой очаровательный малыш». И все. Алистер остался в семье сестры. К его десяти годам леди Памела оправилась окончательно, а Скотт Маккинби Старший привык, что детей у них нет – и лучше не надо. Тут-то леди Памела и изъявила желание воспитывать сына. Алистеру сказали правду, он страшно обиделся, но при встрече вел себя прилично. Леди Памела поиграла в него, как в куклу, убедилась в полной своей материнской несостоятельности и вернула Алистера в привычную ему обстановку.

Следующая попытка как-то сблизиться произошла уже по инициативе Алистера. Ему было шестнадцать, он созрел для того, чтобы самостоятельно выстраивать отношения со взрослыми. Целых полгода у него получалось быть примерным сыном. Леди Памела воспринимала его как любимого родственника, но быстро выучилась говорить правильные слова. Зато Скотт внезапно разглядел, что у него замечательный, только неотесанный сын. И взялся его воспитывать.

Алистер честно терпел. Потом огрызался. Потом он закончил школу и поступил в университет. Встретил необыкновенную девушку и немедленно на ней женился. Брак был настолько неравный, что Скотт Старший запретил даже говорить о нем. Единственный раз, когда он поссорился с леди Памелой – которая, надо отдать ей должное, нашла историю романтической, а невестку хорошенькой. А Алистер психанул и отказался от семейной фамилии, превратившись в Алистера Торна. Под этим именем он начал службу в контрразведке, сделал карьеру и прославился.

Я уже два года отработала у Августа, когда семья наконец примирилась. У Алистера подрастали двое сыновей, и только увидев внуков, леди Памела наконец-то ощутила себя матерью.

А теперь она объясняет нам, что мать не может бросить своих детей.

Впрочем, леди Памела так загадочно устроена, что могла попросту забыть лишнее.

– Но почему они эльфы? – спросила Мелви.

Леди Памела улыбнулась:

– Наверное, это говорит о том, что Николс всегда хорошо относился к Расселам. Может, он был влюблен в Мэдлин, но безответно, и мечтал, чтобы у них росли такие красивые дети, их общие. Естественно, он подобрал мальчиков с эльфийской кровью, чтобы Мэдлин поняла – он не расист, никогда не обидит ее дурным словом об эльфах. И подбирал детей, конечно, у нас. Да вы спросите Джеймса Рассела, вот кто может знать.

Вот уж сказала так сказала.

А самое главное – попробуй возрази.

* * *

Перейдя Твид по пешеходному мостику, я остановилась. Опасливо поглядела вдоль улочки.

Я могла поклясться, что этой вывески тут еще вчера не было.

Прекрасно сделанная, ручной работы вывеска. Бутик походного снаряжения. Туристам по идее должно пригодиться, только не в Пиблс, а где-нибудь севернее.

Я подошла вплотную. Браслет не увидел меток. Ни одной. Вывеска была именно такой, как выглядела: подчеркнуто дорогой и вызывающе антикварной.

Шриффт. Я отдаю себе отчет в том, что совпадения и случайности возможны. Но этот шриффт я видела в одном-единственном месте. Им набирались заголовки эльдорадского «Голоса», уникальной газеты, которая, помимо сетевого тиража, выпускала и ровно сто бумажных экземпляров. Они ложились на столы правительства и самых влиятельных олигархов. А вчерашние номера отправлялись в библиотеки и подшивались в толстые тома – для истории.

Постояв немного на пороге, я толкнула дверь и вошла. На пороге нет рамки. Ну-ну. Такой подход к оформлению и торговле – это расчет на самых взыскательных и богатых покупателей. Странно, что хозяева бутика расположились на улочке с сомнительным потенциалом. Ну кто сюда пойдет? Туристы? Они ходят по набережной. Если только Маккинби... Это же их любимый маршрут через город к церкви.

Из глубины магазинчика выскользнула девушка. Я напряглась.

Шатенка с довольно светлой кожей и серыми глазами. Коротко подстриженная, легкая и компактная. Только я видела, что волосы, брови, ресницы и кожа у нее высветлены. А шея такая же короткая, как у большинства эльдародок.

– Могу я чем-нибудь помочь вам? У нас есть очень удобная обувь для прогулок по пересеченной местности, ваши ножки никогда не устанут. Ручаюсь, вы не отыщете аналогов даже в Эдинбурге или Лондоне. Производитель – Куашнара, и этот товар поставляют на всей Британии только нам.

Акцент. Едва уловимый.

– Простите, вы ведь недавно открылись?

– Да. Мы беженцы, переехали с Тюна.

Да-да. Уже верю. Я ведь точно знаю, на каких именно планетах в Эльдorado используют диалект, который дает такой акцент. Четыре планеты, где практически нет этнических мексиканцев, зато можно встретить даже португальца, не говоря о пуэрториканцах.

– Наверное, по сравнению с Тюном вам кажется, что на Земле очень дорогая жизнь?

Девушка оглянулась, рассмеялась:

– Я понимаю вас. Но здесь нет ничего, что принадлежало бы нам лично. Мы зарабатываем для доминиканского ордена. Братья помогли нам перебраться сюда.

– У вас большая семья?

– Нет. Была большая. Но... Словом, нас осталось только двое. Я и брат. А вы ведь живете в поместье за рекой? Простите, если я бестактна. Просто брат часто удит рыбу в реке, здесь это не запрещено, и лицензия не нужна, если рыба не на продажу. Я относилась к нему с уважением и случайно увидела вас, вы гуляли по другой стороне. Я запомнила, потому что у вас был чудесный жакетик, такой серенький. Я долго рассматривала вас – мечтаю сшить себе жакет такого фасона.

– Я не живу там. Бываю в гостях. Там живет семья Маккинби.

– О, это я знаю! Если бы не брат Скотт, наверное, мы бы не сумели выбраться с Тюна. А он помог нам приехать на Землю и дал работу в этом бутике. Чудесный человек!

Так-так. Брат Скотт – не иначе Скотт Маккинби Младший, для друзей просто Скотти, приор доминиканского монастыря. Скотти, между прочим, еще проницательней, чем Август. Даром что не светский инквизитор, а настоящий. Не могли эти ребята обмануть его, сказав, что они с Тюна.

– Удивительно, я раньше не замечала вашу вывеску, а ведь она очень броская.

– Броская? Правда? – Девушка просияла. – Вот и я говорила, что на такой богатой улице она непременно сработает. Потому что настоящая, а здесь такие люди, они видят и ищут только настоящее. Ее рисовал мой брат, он закончил только вчера вечером, а утром мы ее повесили. И вы сразу заметили! – Она помолчала. – Вы точно не хотите примерить ботиночки?

– Увы. Я случайно проходила мимо, у меня нет времени. В другой раз.

– Конечно! Мы открыты каждый день, кроме воскресенья, тогда мы ходим в церковь. Но если вам понадобится – наши комнаты здесь, можно войти с заднего двора, там очень чисто и маленький садик. Мы всегда откроем бутик для вас.

Я повернулась к двери. На створку из полупрозрачного стекла легла тень, я инстинктивно посторонилась. В бутик шагнул высокий угловатый парень, от него пахло рекой, в руке он нес садок с крупной форелью.

На мгновение мы встретились глазами.

И все друг о друге поняли.

Когда-то давно я арендовала у него такси как наемный водитель. Он держал маленький парк из девяти машин. Я выбрала симпатичный оранжевый хэтч, такой заводной, что на нем захотела прокатиться даже строгая генеральша Вальдес... Интересно, Мигелю потом вернули его машину? И с каким объяснением?

Я миновала его и вышла на крыльцо. У оградки были привязаны две сердитые собачонки. Я позволила им обнюхать меня и направилась к мосту.

В гостиной пили чай Август и леди Памела. Ну надо же, явился, гулена. Я не видела его с самого прилета на Землю – он доставил меня в Пиблс и немедленно свинтил куда-то, сказав, что будет занят и сам отзвонится, когда освободится. Освобождался без малого пятеро суток.

Август скучал, леди Памела гладила кота Барсика – на самом деле такого же сибирского киборга, как и наша собака Василиса, – и кормила его с ладони пирожными.

– Видела в городе бутик туристического снаряжения, – сказала я. – Сразу за мостиком. Поговорила с продавщицей. Уверяет, что они с братом бежали на Землю с Тюна.

– Ах, Делла, вы про этих несчастных беженцев? – встрепелась леди Памела. – Скотти часто навещает их. Очень тепло отзывался о них, сказал, что люди набожные и скромные. А бутик орденский, орден только дал им работу и жилье. Боже мой, как мне всегда жалко беженцев! Что может быть хуже, чем оставить родину...

Я села, налила себе чаю.

– Да. Только они не с Тюна. Они из Золотого Мехико – это столица Эльдорадо. Приехали в столицу на заработки, родом-то они с Урату. А Тюн, сколько мне помнится, уже наша территория. Место, конечно, не самое богатое, но жить можно. Причем именно этот кусок границы всегда был спокойным, так что бежать оттуда особо незачем.

Леди Памела опешила.

– Делла, но вы ведь не хотите сказать, что они лгут? Не могут же они оказаться какими-то шпионами?

– Конечно, – встрял Август. – Люди бежали сначала из Эльдорадо на Тюн, и уже оттуда монахи помогли им перебраться сюда. Любой нормальный человек будет говорить полуправду – что приехал на Землю с Тюна. Потому что к эльдорадцам относятся с подозрением.

– Ох, Август, конечно, ты прав, – выдохнула леди Памела. – Конечно, так все и было.

– А зачем Скотти притащил их мало того что на Землю, еще и в Пиблс – его дело. Ему виднее, – добавил Август. – Может, они нужны ему именно здесь. Делла, можно тебя на минутку?

Мы вышли из гостиной. Август навис надо мной и очень строго сказал:

– Делла, хватит.

– Что именно?

– Хватит разводить паранойю. Недавно ты готова была обвинить Мэдлин едва не в государственной измене, сегодня нашла «шпионов» в двух шагах от дома... Ты соскучилась по работе? Понимаю. Но уймись. Эти несчастные могли здесь оказаться по тысяче причин, и ни одна из них не имеет к тебе отношения. Займись своими делами и прекрати лезть в чужие.

Я скрипнула зубами.

– Кстати, насчет чужих и своих дел. Ты ничего не хочешь мне сказать?

Август замялся.

– Делла, это преждевременный разговор. Еще ничего не решено. Впрочем... Ладно, как хочешь. Пойдем обсудим.

Повернулся и зашагал в кабинет. Огромный, но при этом грациозный, красивый и... чужой. Вроде все как прежде, только между нами больше не было той доверительности братьев по оружию, когда твой пол не имеет значения. Мы изменились. Август стал старше, уже не упивался работой. А я сделалась матерью и потеряла девичье бесстрашие, так похожее на мальчишескую отвагу.

Сказать, что я не любила его кабинет, – ничего не сказать. Все самое неприятное я выслушивала здесь. Но хуже другое: спустя некоторое время обычно выяснялось, что слышала я вполне приемлемые аргументы и предложения, в отличие от того, что предстояло узнать потом. Август меня так щадил, видите ли. Оберегал.

Август плотно сел за стол, сцепил пальцы в замок. В глаза не смотрел.

– Как ее зовут? – спросила я.

– Анна. Анна Лерой. Она шотландка, как и я.

– У вас, похоже, много общего.

– Да, просто удивительно. Нас свел вместе интерес к культуре Китая. Анна славная девушка. И умница. Тебе вправду это хочется знать?

– Не очень.

– И да, наверное... Впрочем, об этом действительно рано говорить. Делла, я хочу, чтобы ты знала одно: наши с тобой договоренности остаются в силе. Все.

– Анна это понимает?

– Да. К счастью, она совершенно лишена глупой женской ревности, когда спор идет не за секс, а за влияние.

– О. Тебе повезло.

– Я тоже так думаю.

– Почему ты скрываешь ваши отношения?

– Не скрываю. Просто не хотел афишировать, мне нужно было убедиться, что это всерьез и надолго.

– Я правильно поняла, что вероятность свадьбы ты все-таки рассматриваешь?

– Да, рассматриваю.

В его тоне, как и на лице, особой радости не виднелось.

– Есть небольшая сложность.

– Наш чертов индейский брак, – сказала я. – Как я и думала, помешает он тебе, а не мне.

– Ты права. Но это не помеха, это действительно просто сложность. Техническая сложность. Неудобство, не более того. Мне нужна твоя помощь.

– Конечно.

– Видишь ли, сам по себе этот брак ничего не значит. Формальность, причем этническая. Мы не регистрировали его здесь, и он не может помешать нам пойти и обвенчаться с кем угодно. Сложность в том, что мы подписали брачный договор. Он и только он имеет юридическую значимость. Опять же, сам факт договора не проблема, он легко расторгается. Но – спасибо Патрику! – по этому договору у нас есть совместное имущество. Кусок саттангской земли.

– У меня нет претензий на нее.

– Не сомневался, что ты так скажешь. Чтобы и у тебя не было сомнений – ты получишь компенсацию.

– Ни к чему.

– За беспокойство, связанное с разводом. Делла, погоди. Чтобы расторгнуть брачный договор, нам сначала надо зарегистрировать брак или отношения, приравненные к брачным. То есть договор должен вступить в силу. Если его просто аннулировать, не активировав, земля по умолчанию переходит к тебе – таково условие Саттанга. Нам придется сходить к судье и зарегистрировать индейский брак. Далее, по законам Саттанга я имею право взять вторую жену. Поэтому мне придется сыграть индейскую свадьбу с Анной. Думаю, Патрик не станет настаивать на полном чине, тем более, что Анна не считается его родственницей или наложницей. Разумеется, мне придется условиться с Патриком, что Саттанг не будет иметь претензий, если имущество по первому брачному договору останется у меня. После этого я регистрирую индейский брак с Анной, мы с тобой расторгаем брачный договор, и я смогу отвести Анну под венец.

– Патрик денег попросит.

– Безусловно. Для этого мне и нужна твоя помощь. Делла, можешь сказать ему, что этот развод нужен тебе, а не мне? С тебя он ничего просить не посмеет, он слишком виноват перед тобой.

– Ясно. – Я сумела сохранить хладнокровие. – Нет проблем.

– Спасибо. И вот еще что. Анна летит со мной.

Я молчала. Август явно подбирал слова.

– Пока мы будем в Шанхае, я бы хотел, чтобы ты навестила Патрика и уладила с ним все вопросы.

Меня словно под дых ударили. Но я лишь сильнее выпрямилась.

– Я верно тебя поняла? – уточнила я самым нейтральным тоном. – Я в Шанхай уже не лечу?

– Нет, – отрубил Август. – Делла, у тебя крохотный ребенок. Глупо скакать по всей галактике с младенцем на руках.

Интересные дела. Совсем недавно возраст ребенка не смущал Августа ни капельки. Хорошо умеет вправлять мозги мисс Анна Лерой.

– А Саттанг у нас, конечно, в шаговой доступности. Но слетать туда-обратно – это, по-твоему, нормально.

– На Саттанг ты пройдешь через каналы Чужих. Это быстро. И тебе не понадобится даже брать ребенка с собой.

Я тихо закипала.

– К тому же ты будешь мешать мне в Шанхае.

– С этого и следовало начинать.

– Я полагал, что это очевидно и ты догадаешься сама.

А я полагала, что если послушаю его еще хоть минуту, то разговор закончится скандалом.

– Это всё? – спросила я, сохраняя внешнюю невозмутимость. – Мне еще Огги купать.

– Да, всё. Когда ты можешь съездить к судье?

– Когда угодно, но не раньше завтрашнего утра.

– Отлично. Так и договоримся. Я буду ночевать в Эдинбурге, поэтому встретимся сразу в суде, – он бросил мне визитку судьи и поднялся из-за стола. – Спасибо, Делла. Меня всегда восхищала твоя способность принимать факты как они есть. Не знаю, что я делал бы, окажись на твоём месте другая женщина.

– Да, конечно, – я выдала лучезарную улыбку и пошла к двери. – До завтра, босс.

– До завтра.

Кажется, я слишком быстро выскочила за дверь. Ничего, если Август что-то заподозрит, – скажу, что у меня схватило живот.

* * *

Послеродовая депрессия – отличная вещь, если распорядиться ею с умом. Например, захочется ходить в джинсах и кедах вместо дорогого платья, и ты всегда можешь сказать: «У меня депрессия после родов». Конечно, тебя будут жалеть, рекомендовать обратиться к врачу. Весьма утомительно строить кислую мордочку и помнить, что советчики искренне тебе соболезнуют, хотя бы как лучше. Зато, если выдержишь, ты можешь в любую секунду пуститься бегом по пересеченной местности, не опасаясь сломать каблук или ноги.

Я бежала во весь дух, перепрыгивая через ямки, травяные кочки, бежала так, словно за мной гнались. Думать нечего возвращаться в таком состоянии. Меня мутило от ярости. Перед глазами уже красные круги плавали, но я не сбавляла ход.

В нескольких километрах от поместья я упала. И поняла, что больше бежать не могу. Я сидела на земле, тяжело дышала и почти наслаждалась болью в груди – она отвлекала.

Посидев немного, я опрокинулась на спину, раскидала руки в стороны. Лежала и глядела в небо. Налетел ветерок, я вздрогнула от озноба – на бегу вспотела, а теперь даже легкое дуновение прохватывало холодом до костей. Встав, поежилась и пошла обратно.

Наверное, я сумею восстановить душевное равновесие, пока иду. Если не сумею, то хотя бы устану. Я не знала, что мне теперь делать со своей жизнью. Будущее, которое казалось определенным, внезапно осыпалось ручейком блестящих и, увы, далеко не драгоценных осколков.

Только сейчас я осознала, насколько зависима от Августа. И как важно было, чтобы наши отношения сохранялись. В прошлом году отношения были важны для него, и он перевернул небо с землей, чтобы уберечь свой комфорт. А в этом он влюбился – и больше не нуждается во мне. Его тон стал пренебрежительным. Он даже не понимает, насколько обидными для меня были его слова.

Хотя, конечно, он идиот. Кретин. Такое ощущение, что думал не головой, а головкой. Ему, значит, нужен развод. Причем он хочет, чтобы эту проблему решила я – и результат принесла на блюдечке. Нормальный человек в такой ситуации улещивал бы меня – ведь, извините, я потрачу свое время, свои силы, и зачем? Затем, чтобы качество моей жизни заметно упало. А Август первым делом меня унизил. Лишил заведомо увлекательной поездки в Шанхай, высокомерно сообщив, что я ему там буду мешать. Прямым текстом дал понять, что мои интересы идут боком, от меня хотят избавиться, и неважно, что я при этом чувствую. Я как будто перестала быть человеком. Со мной больше не считаются.

Конечно, в теории мне было куда податься. Могу уехать на Сонно. Могу к родителям. А на практике, расставшись с Августом, я потеряю поддержку семьи Маккинби. Да, не сразу. Но через год максимум мне дадут понять, что я стала обузой для клана. Не сомневаюсь, что им

хочется присвоить очередного князя Сонно. Но это не значит, что меня будут принимать как члена семьи. Скорей всего, они захотят, чтобы Огги привозила в гости Валери, его бабушка, благо она теперь не пьет с утра и пришла в разум. А я тут лишняя.

Ишь ты, все договоренности в силе... Какие?! Неужели Август думает, что я смогу жить в его доме как раньше? Что его жена не выпьет мне всю кровь? Ревности она лишена, ага. Все бабы лишены ревности, пока их статус сомнителен. Замуж выходят – и за свое держатся мертвой хваткой. Это сейчас мисс Лерой скромная. А станет герцогиней Кларийской – она уж покажет. Всем.

Мне пришлось сделать две передышки, пока я дошла до поместья. Все-таки нельзя брать такую нагрузку без подготовки. Я уже не та, что в семнадцать лет. А мне себя беречь надо, у меня крохотный ребенок.

И хотя бы ему я пока нужна.

* * *

Такой подляны от Августа я не ждала.

Вечер прошел более-менее терпимо. Вернувшись в поместье, я обнаружила, что меня поджидает группа индейцев. Опять. Я уехала с Саттанга, не подозревая, что он теперь навсегда со мной. А индейцы обрадовались, что у них появилась великая колдунья, и шли ко мне со всей галактики – за судом, советом, помощью. Наверное, будь я поумней, я бы послала к черту все их проблемы. Но я гиперответственная дура. Поэтому я их принимала и помогала. Вообще-то в любом правительстве такая работа с населением оплачивается, и весьма солидно. Но пройдох Патрик Шумов был индейцем только когда ему выгодно, а когда невыгодно, внезапно становился типичным федералом, и в моем случае решил, что всякая индейская ритуальная фигня его не волнует. Поэтому визитеры платили по обычаю – мелкими подношениями в виде еды и одежды, иногда украшений.

С индейцами я закончила к ужину, но в столовую не пошла – меня мутило от стресса и усталости. Уложила спать Огги, прикорнула сама. Сна не было ни в одном глазу. Тогда я решила полазить по сети, поглядеть, что есть на Анну Лерой. За три часа нашлось довольно много, и я бы не сказала, что хорошего. Мутная дамочка оказалась. Настолько мутная, что я не поверила, при всей моей предвзятости, и побеспокоила жену брата. Мэг закончила филфак и сохранила прекрасные отношения с преподавателями, да и за новостями следила. Мэг мои подозрения только усугубила. Тогда я позвонила Мелви и поделилась с ней. Наконец, к часу ночи я стала задремывать. Естественно, сын решил, что настало его время, и раскричался.

До шести часов утра я убаюкивала его. В половине седьмого он наконец крепко уснул. Я еле доползла до кровати и упала, не раздеваясь. В восемь меня разбудила Санта, которую я накануне предупредила, что утром еду в Эдинбург. Настроение было такое, что лень даже причесываться, не говоря уже о макияже. Я влезла в джинсы, кеды и толстовку, волосы разобрала пальцами, посмотрела на себя в зеркало – ну и чудище! – и на такси помчалась в суд.

Август, как назло, являл собой образец ухоженности. Он всегда выглядел холеным, но сегодня просто через голову прыгнул. Критически оглядел меня, заметил:

- Думаешь, эти обноски можно считать подвенечным нарядом?
- Подвенечный наряд у меня был на Саттанге.
- И ты надеешься, что судья поверит в любовь между нами?
- Зато через пару месяцев он не спросит, почему мы хотим развестись.
- Делла, мне кажется, ты напрасно это сделала.

– Слушай, я – мать-одиночка и меня тошнит от слова «любовь». В моем понимании это синоним слова «ложь». Ясно? Я не нанималась играть влюбленную. Или так, или разбирайся со своими проблемами сам!

Кажется, до Августа дошло, что у меня плохое настроение.

Судья, женщина чуть постарше меня и не в пример лучше одетая, скептически глянула на невесту, но вопросов задавать не стала. Внимательно изучила документы, которые ей передал Август.

– Вы хотите зарегистрировать обычный брак на базе этого, или?..

– Или, – коротко ответил Август.

Судья молча зарегистрировала нас как партнеров, состоящих в отношениях, приравненных к брачным. Внесла в реестр наш брачный договор. Сухо поздравила. Август кивнул, собрал документы и вышел из кабинета. Я замешкалась. Перехватив красноречивый взгляд судьи, весело сказала:

– Не пойму, у кого из нас послеродовая депрессия.

– Ах, у вас недавно родился ребенок? – Судья оттаяла.

– Да. Сын. Очень беспокойный малыш. Всю ночь спать не давал.

– Понимаю. У меня вторая дочь тоже беспокойная была. Но к году все прошло. Ничего страшного, если младенец плохо спит по ночам, поверьте.

– Да, спасибо, – я тепло улыбнулась ей и вышла.

Август ждал меня на парковке, нетерпеливо похлопывая себя по бедру свернутыми в трубку бумагами.

– Мне пришлось сказать, что у тебя послеродовая депрессия, поэтому мы оба выглядим неадекватно, – сообщила я.

Август не отреагировал. Просто открыл передо мной дверцу в салон.

– Поехали, мы уже опаздываем.

Я успела сесть, поэтому мой вопрос «куда?!» прозвучал, уже когда Август выехал с парковки.

– На завтрак.

– Я завтракала!

– Это деловая встреча. Делла, соберись, пожалуйста. Мало того, что ты выглядишь, как чучело с блошиного рынка, ты еще и несешь всякую чушь.

Я промолчала. Я слишком ответственная и дисциплинированная.

Август привез нас к одному из самых престижных ресторанов в старом Эдинбурге. Вид на бухту, собственная парковка, меню на бумаге в кожаных обложках и так далее. У меня свело челюсти от дурного предчувствия.

– Надеюсь, там дресс-код и меня не пустят, – пробормотала я, озирая фасад.

– Пропустят.

Делать нечего, я поволоклась за ним.

Столик, разумеется, был заказан. И за ним уже восседал наш «деловой партнер». Партнерша, ага. И не «деловая», и не «наша», а вовсе даже сексуальная и Августа.

Проклятье, фото не передавали всей ее прелести. Она сияла, как роза в росе на рассвете. Она благоухала юностью и отсутствием дурных привычек. Ее пышные волосы цвета золотистого ретривера ниспадали по плечам и спине ниже талии. Ее улыбка была ослепительной и естественной, как у годовалого ребенка. Широко поставленные карие глаза смотрели доверчиво, и в них еще не растаяла счастливая дымка минувшей ночи. А загорелая кожа бархатилась нежным пушком.

Она поднялась нам навстречу. На каблуках она оказалась выше меня на голову.

– Делла, это Анна Лерой, – проговорил Август сквозь зубы. – Анна, это Офелия ван ден Берг, княгиня Сонно.

* * *

Мы протянули друг другу руки. На чип пришла визитка: Анна Лерой, дипломированный филолог, древнекитайская литература. У Анны были тонкие кисти с подчеркнуто длинными пальцами. Ручаюсь, эти руки в жизни не держали винтовку, а уж ухватить за ошейник сибирского киборга и оттащить его от покусанной садовой техники они в принципе не способны. Так вот, оказывается, какие девушки на самом деле нравятся Августу...

– Делла Берг, – сказала я.

– Пожалуйста, зовите меня Анной, – одновременно со мной попросила она.

Мы сели за стол. Я хмуро оглядела свои пальцы. Коротко обрезанные ногти, маникюр пятидневной давности, ни следа лака. У Анны ногти длинные, тщательно украшенные. К слову, украшений у нее много для этого времени дня, и вряд ли их дарил Август: несколько пошловаты. Красивые, но не элегантные. Жемчужный гарнитур, который мне подарил папа (или Крис, я так и не сумела выяснить, оба отпирались с подозрительной ухмылкой), и тот был куда более стильный. А платье Анны, хотя и безупречно сшитое, казалось неуместно ярким для Шотландии. Его лучше бы надеть где-нибудь в Италии.

Август листал меню. Я даже заглядывать не стала. Меня заело, и я хотела компенсации.

– Есть отличный чай, – сказал он Анне и, не поворачиваясь ко мне, спросил: – Делла?

– Ирландский пунш.

Август медленно отложил меню.

– А что? – удивилась я. – Мы с тобой вчера так чудесно поговорили, что я на радостях надралась в стельку. Пила всю ночь, а теперь у меня болит голова. Мне нужно похмелиться, иначе меня стошнит прямо здесь.

Анна переводила озадаченный взгляд с меня на Августа. Август аж позеленел.

– Милый, а чего ты хотел от алкоголички? – ухмыльнулась я. – Анна, скажите честно, я похожа на алкоголичку?

Та машинально кивнула.

– Ну вот видишь? Если мои пороки заметны окружающим, чего стесняться-то? Подумаешь, алкоголизм. Профессиональная болезнь княгинь Сонно. Я еще ладно, а вот как пьет моя свекровь... О-о, Анна, это нечто. Я обожаю ее. Самая лучшая женщина на свете. Но, блин, квасит. Трезвой не была ни дня за последние двадцать пять лет. Первую рюмку ей подают в постель. Алкоголичка в черт знает каком поколении. Я сама не заметила, как втянулась с ней за компанию, а теперь уже поздно... Да чего поздно-то, если мне нравится? Выпивка помогает держаться в тонусе. Просто я вчера немножко того... Ничего, сейчас похмелюсь – и буду совершенная лапочка.

Август играл желваками на скулах. Чуть резче, чем надо бы, открыл меню и очень дружелюбно предложил:

– Здесь есть сонский портвейн. Может быть, тебе лучше его?

– Стакан портвейна! – Я мечтательно закатила глаза. – Нет, лучше дома. А то я с него впадаю в эйфорию и могу сплясать голой на столе. Анна, я в юности танцевала шестовой стрип-тиз и имела массу поклонников!

Анна побледнела, глаза у нее расширились.

– Это когда ты успела? – изумился Август.

– Давно. Еще до того, как ты вытащил меня с той помойки на Большом Йорке.

– А! – сообразил Август. – Понял. И как ты ухитрилась, если танцевать не умела в принципе?

– Профессиональный секрет!

Про стриптиз – это была сушая правда. Я неделю извивалась у шеста в одном из самых почтенных баров Золотого Мехико. Другого способа встретиться с нашим клиентом просто не нашлось. Менеджер говорил, я неумеха, зато искренняя, во мне есть молодой драйв – так что давай, девчонка, не стесняйся, импровизируй, и все у тебя получится. Ничего, выполнила миссию. Тоже в основном на молодом драйве и импровизации. Страшно было уже потом, на базе.

– Это... это правда? – пискнула Анна.

– Наполовину, – ответил Август. – Помойка – это Главное управление полиции на Большом Йорке. Делла зачем-то пошла туда работать. Князя Сонно действительно пьют много, предпочитают вина и портвейны своего производства. Все остальное...

– А остальное – это то, что Огги плакал всю ночь, – язвительно сказала я. – Как зарядил с вечера, так и рыдал. Вот ведь здоровья у него – мне бы столько. Он соглашался подремать, но строго на руках и при условии, что я буду ходить кругами по детской. Уснул в половине седьмого. Так я сумела поспать целых полтора часа. А с утра мне надо было выходить замуж. И теперь я хочу глоток алкоголя по столь священному поводу, раз для меня даже букета невесты не нашлось.

– Хорошо, – сдался Август. – Но ни в коем случае не пунш. Бокал шампанского. Я выпью с тобой. Анна?

– Ну, если все, то и я... – она неуверенно улыбнулась.

Официант не подал и виду, что о нас думает, когда получил заказ. То ли еще будет... все только начинается.

– Вы пока поворкуйте, – пробормотала я, вместе со стулом отъезжая от стола, – мне надо кое-кому письмецо накатать...

Август только глаза прикрыл. А я вытряхнула терминал на ладонь и набила сообщение: «Мелви, этот гад притащил меня знакомиться с его курочкой. Забери меня отсюда, умоляю! Она выглядит так, как я никогда не сумею. Мне стыдно, и я сейчас со стыда нажрюсь, потому что не могу придумать, как еще его унижить. Захвати какую-нибудь милую игрушку, мне до чертиков интересно знать, о чем они будут болтать, когда мы уйдем». Дала адрес ресторана и едва не вздохнула с облегчением.

До этой минуты мне хотелось вовсе не шампанского, а пистолет за пояс и Василису под ноги. Меня кидало из стороны в сторону: я то злилась, то чувствовала себя беззащитной аж до стеклянной прозрачности. Но теперь все пойдет на лад, Мелви выручит, можно и расслабиться с утра пораньше...

Естественно, они не ворковали. Августу я настроение испортила пренебрежительным образом, Анна растерялась.

Подали шампанское. Мы разобрали бокалы.

– За удачу в нашем предприятии, – сказала Анна и пригубила.

Я выхлестала залпом и поставила бокал. Август сделал три глотка, бокал ставить не решился, следил, что за номер я выкину.

– А поцеловаться? – удивилась я. – Свадьба же.

Думала, он убьет меня. А я опьянела мигом – для того и пила залпом, – и море мне стало по колено. Даже то, что плескалось далеко внизу под рестораном.

Август думал несколько секунд.

– Ты не угомонишься?

– Не-а!

– Хорошо.

Он выпил до дна. Легко поднялся, шагнул ко мне и прижался сомкнутыми губами к моему рту. С таким же успехом мог тарелкой поцеловать. Отошел.

Я вытерла губы.

– Вот теперь я могу сказать, что со своим брачным партнером хотя бы целовалась. Анна, не обращайтесь внимания. Как говорил мой бывший, это же просто секс, он ничего не значит. Чепуха. У него было много любовниц, я дружила со всеми, кого знала. А вы по отношению ко мне тоже ведь любовница мужа? Нынешнего? И с вами дружить буду. Потом, когда вы вернетесь из Шанхая. У вас получится отличная эротическая прогулка.

Она хихикнула и тоже допила свой бокал.

– Я догадалась, – доверительно сообщила она, – что мне тоже надо выпить, тогда я буду понимать ваши шутки. Выпила немного, и они сразу показались мне забавными. А сначала я даже испугалась. Правда, я совсем не умею пить помногу...

– Август, наливай, – скомандовала я. – Анна, а вы не бойтесь. Приезжайте ко мне на Сонно. Я познакомлю вас со свекровью. Первой, конечно. Вы там увидите, какие возможности дает титулованной особе даже ерундовое пьянство, я уж не говорю про полноценный алкоголизм. Мы не афишируем это, такие знания только для избранных, но вы-то будущий член семьи...

Август усмехнулся и, отогнав официанта четко выверенным жестом, налил всем по новой.

– Я понял твой замысел, – сказал он, салютуя мне бокалом. – Сейчас мы добавим, нам захочется еще, потому что шампанское очень вкусное и как-то бодрит... Да, бодрит, давненько я не пробовал шампанского с утра. В итоге мы здорово окосеем, а ты отлучишься, примешь свои таблетки, протрезвеешь и будешь потешаться над нашими пьяными курбетами. Прекрасно, – он протянул руку и сцапал мой рюкзачок. – Надеюсь, у тебя хватит на троих.

– А если нет? – я медленно и опасно улыбнулась.

– Тогда ты будешь такой же пьяной, как и мы.

У Анны заблестели глаза, она даже негромко похлопала в ладоши.

– Ну-ну, – обронила я. – Надеешься переиграть разведчика на его поле?

– Какого разведчика? Потерявшего квалификацию еще пять лет назад?

Я промолчала.

Второй бокал опустел у Августа моментально, да и Анна не постеснялась. Я прикинула, что до приезда Мелви мы успеем уговорить не только эту бутылку, но и следующую. Превосходно.

– Делла, а вы были разведчиком? – осторожно спросила Анна. – Как романтично! И что вы делали?

– Стриптиз танцевала, – брякнул Август.

– Можно и так, – согласилась я. – Анна, когда на вас прольется ведро напалма, вы такой стриптиз мигом спляшете – пальчики оближешь. Даже если танцевать не умеете. Я ушла из армии в чине капитана. Первый год работала в поле, тактиком. Две награды за мужество в бою – Малые звезды. После армии служила в полиции, потом у Августа, недавно снова вернулась в профессию... Заслужила еще кое-что, но статусом пониже, конечно. Награда штата Сибирь, две частные – от лорда Рассела, принца Беты, и лорда Слоника, принца Дивайна. Это чепуха, Джимми Рассел мой друг, а Крис вообще родной брат. Хотя награды я заработала честно. Джимми уж точно без меня принцем бы не стал, потому что фиг бы мы выбрались с Беты, не пойдя я на космодром... Ай, неважно. И совсем не романтично потом было отстирывать кровь. Да спросите у Августа – он тоже там был. А последнюю награду – Золотой Топорик – я получила за операцию на Саттанге. Это высший царский знак отличия, выдается строго мужчинам, но по тамошним верованиям я мужчина. В довесок к Топорику я получила вот этого красавца в мужья. У меня просто не было выхода. Я или шла замуж за него, или садилась на кол. Себя не жалко, но там было еще восемь человек, и их казнили бы вместе со мной.

Анна с ужасом воззрилась на Августа:

– Казнили бы?! Но ведь царь Саттанга... И действительно на кол?!

– Делла неожиданно для меня даже преуменьшила, – сказал Август. – Там было намного хуже. Анна, тебе ни к чему знать все эти ужасы.

– Бережешь? – осведомилась я.

– Да, конечно. Разве это не естественно?

– Это просто чудесно, – сказала я со всей теплотой, на какую оказалось способно выпитое мной шампанское. – За это надо... – я постучала ногтем по бокалу.

Август взвесил бутылку на руке, решил, что не хватит, поманил официанта. Тот обернулся мигом, словно ждал. Я потребовала, чтобы Август наливал доверху.

– Ну, за ваше счастье, – я подняла бокал. – До дна!

Август не пьянел. Похоже, напряжение в ожидании моей выходки пересиливало даже химическую реакцию спирта. А вот Анну повело знатно. Она не прикидывалась, когда говорила, что не умеет пить. Приятно слышать от этой милой девушки хоть какую-то правду. Ладно, сейчас я ее расколю по-крупному, самое время.

– Анна, вы не думайте, – начала я проникновенно. – Расслабьтесь. Мы с Августом просто друзья. И всегда были ими. Только он и в роли друга меня порядочно задолбал! Я очень рада, что он встретил вас. Теперь ему наконец-то будет о ком заботиться, и он оставит меня в покое со своей чертовой гиперопекой! – я весело рассмеялась. – А как вы познакомились?

– Я же тебе говорил, – встрял Август.

– Отстань, – я отмахнулась. – Ты не умеешь рассказывать. Это же самое романтическое, когда будущие влюбленные впервые встречаются!

– Да уж. Особенно романтично я штопал тебе разбитую коленку, – не удержался Август. – Или ты считаешь романтичным то, что я помог тебе перелезть через забор?

– А мы разве были влюбленными? – невинным тоном осведомилась я. – Потому у нас и было так обыденно. А у вас, наверное, прям какой перст судьбы указал друг на друга... Анна, ну расскажите!

– Я... – она с трудом говорила, зато блаженно улыбалась. – Да, чудесно. Меня вызвал декан и сказал... сказал, что есть один разведчик... из магистратуры... в общем, мне надо сходить с ним на ужин... Вот. А он оказался... историк. То есть сначала так сказал... а потом я узнала, что он вообще принц! Представляете, Делла? Я познакомилась со звездным принцем! Неженатым! Потом он рассказал про вас, но вы ведь ему как сестра, да? Я верю, что мужчина и женщина могут дружить, просто дружить... Август как раз может, да...

– Чудесно! Действительно, Анна, прямо чудо произошло! Я вас поздравляю. Давайте выпьем за чудеса. За то, чтобы и дальше все было как в сказке. Чтобы вы стали не только подружкой, но и женой... А? – Я понимающе засмеялась. – Хотите сделаться вправдашней герцогиней?

И снова выпили.

– Моя родственница училась на филфаке, – очень небрежно сказала я. – Давно, но до сих пор поддерживает отношения с преподавателями. Да и кое-кто из ее однокашников остался в университете... Когда я обмолвилась, что мне нужно научиться хотя бы несколькими фразами по-китайски, она рекомендовала Тима Клодана. Вам что-нибудь говорит это имя?

Анну словно ударили. На мгновение она застыла, окаменев, будто зависший киборг.

– Мне? Почему?

– Ваш однокурсник, разве нет?

– Ах да... да, конечно. Но я мало общалась, знаете, другие интересы... К тому же я не с начала училась, я перевелась на последний курс, доучиваться... да. А Тим бросил, вот, теперь я вспомнила. У меня голова была другим занята, я даже не знаю...

– Странно, – не унималась я. – Мэг сказала, он редкий красавец. Как вы могли его не замечать?

– Ой, терпеть не могу брюнетов!

Проговорилась.

– К тому же таких, знаете, высокого о себе мнения. – Анна разгорячилась. – Которые считают, что все девушки должны в них влюбляться.

– То есть вы ему отказали?

– Да, конечно. Он не в моем вкусе.

– Жаль. То есть нет, поймите меня правильно, – я рассмеялась. – Совсем не жаль, что вы ему отказали. Так ему, зазнайке, и надо. К тому же он был женат на вашей однокурснице. Рэйчел Коллинз. По-моему, они до сих пор не развелись.

Анна вскочила:

– Я не знаю никакой Рэйчел! И Тима не видела тыщу лет! Они развелись, это точно! И что вы вообще ко мне пристали с дурацкими вопросами, я вам не шпионка, чтоб меня допрашивать, практикуйтесь на ком-нибудь другом! – Она пьяно покачнулась, Август успел ее подхватить. – Мне худо, – пожаловалась она ему. – Твоя мегера нарочно меня напоила. Ой, – она икнула. – Мне надо выйти. Освежиться.

Подбежали сразу две официантки, увели Анну в женскую комнату. Август вернулся на место и уставился на меня тяжелым взглядом. Я показала ему средний палец.

– И зачем?..

– Ты знал, что она была замужем?

– Нет. Ты тоже была замужем.

– Я не собираюсь замуж за тебя.

– Ну, согласно сегодняшней регистрации, ты в правах приравнена к жене. Моей.

– Невелико счастье – быть женой такого бревна, как ты. Поцеловать не сумел.

– Не хотел, – поправил Август.

– Естественно. Выставить меня на посмешище ты всегда хочешь! А как до чего другого... Ты вообще хорошо устроился, делаешь только то, что хочешь. А я должна принаравливаться?

– Делла, зачем ты затеяла этот допрос?

– А. Ну ладно. Ее настоящее имя – Рэйчел Коллинз. Три года назад она вышла замуж за Тима Клодана, наврав ему, что дочка богатых родителей. Когда правда вскрылась, он ее бросил. Но не развелся. Иногда они мирились, потом быстро ссорились, и Анна-Рэйчел заводила какой-нибудь шумный роман. Она в любимчиках у декана, тот ее знакомил с разными влиятельными людьми. Почему-то романы долго не длились. Когда ты – и я! – пошел в аспирантуру, Клодан наконец-то развелся с Рэйчел, а она мгновенно, на следующий день после развода, поменяла имя. Чепуха, может, ей противно вспоминать было. Не чепуха, что через две недели ее знакомят с тобой. И у вас начинается роман. Расскажешь, кто и как вас познакомил?

– Ее декан.

– А как ты понял, что тебе надо сходить к ее декану и попросить консультацию?

– Обыкновенно, Делла. Наш же преподаватель китайского посоветовал мне дополнительные занятия. И сказал обратиться на филфак, там сильная кафедра китаистики. Что из этого следует?

– То, что Кида Тернера подсидели. Коллеги. И что внимание на эту девушку мне посоветовал обратить он. Ты следующий.

– Делла, – Август поморщился, – перебор.

– Да? Она едва ли не худшая студентка на курсе. Но у нее есть талант залезать в любую постель. Тебе ее просто подложили. А знаешь почему? – Я сбросила ему на чип картинку.

Фото было не самым качественным и к тому же старым. Трое молодых мужчин, стоят в обнимку над тушей какого-то копытного животного. Охотнички.

– Справа – Хорас Грей, ныне покойный. В центре – Билл Николс, живой пока, но это временно. А слева – Тим Клодан. Да-да, брюнет.

– И что?

– Кто предложил Анне ехать с тобой в Шанхай? Ты? Или она попросилась?

– Разумеется, она просила меня взять ее с собой. Мы очень привязаны друг к другу. Совершенно не удивительно, что она скучала бы без меня и хотела разделить со мной эту поездку. Мы ведь до этого разлучались с ней самое большое на неделю – когда ты рожала, и я почти все время был с тобой в клинике. Делла, она не устроила мне ни одной сцены ревности. Уже этим она заслужила эту поездку.

– А если...

– Без если. Мы летим в Звездный Пекин, а не на Сайгон. Мы не имеем никакого отношения к проблемам Билла Николса.

– А Мэдлин?

– И к ее проблемам я тоже не имею отношения. Я познакомился с Анной намного раньше, чем Мэдлин явилась к тебе откровенничать. Делла, ты подгоняешь факты под теорию. А теория у тебя одна – тебе просто не хочется делить с кем бы то ни было влияние на меня. Обычная женская ревность, даром что несексуальная. Ты мечтаешь, чтобы я так и сидел у твоей юбки, как мальчишка какой-то. О том, что мне нужна своя жизнь, свое счастье, ты не думаешь вообще.

– Если ты дашь себе труд напрячь память, – ледяным тоном сказала я, – это именно то, что я говорила перед чертовой индейской свадьбой. Что ты захочешь завести семью. И я со своим ребенком в твоём доме буду только мешать. Что ты мне тогда сказал? Что жениться не планируешь вообще. Да, у тебя была фобия. Только она прошла. Если вообще хоть когда-нибудь была. Я уже не верю, что ты мне тогда не наплел слезогонных сказок.

– Тебя никто из моего дома не гонит. Ты сама затеяла ссору с моей невестой. Ты, и только ты, устраиваешь конфликты на пустом месте.

– Спорим, она подсадная утка?

– Я не буду с тобой спорить. Ни о чем. Анна... – Август запнулся, покачал головой. – Ладно, чего уж там. Анна слишком наивна, чтобы участвовать в криминальных схемах. В худшем случае ее используют втемную. С этим я справлюсь. В конце концов, у каждого из нас есть прошлое, и далеко не всегда оно безупречное.

– Кроме тебя. Ты само совершенство.

– Язвишь? У меня тоже есть кое-какие моменты, и я не хочу, чтобы Анна о них узнала. Связаны они с тобой, сразу предупреждаю.

– О как. И что такого между нами было, чего нельзя знать наивной девочке?

– Будет лучше, если она не узнает от тебя ничего. Что можно, я сам скажу.

– Ну-ну, – я только и смогла, что усмехнуться. – Ну и ну. Теперь я сама буду голову ломать. Кстати, я не собираюсь жить в вашем доме.

– Это еще почему?

– Во-первых, потому, что никакой работы в будущем явно не планируется. Во-вторых, ты помнишь, какую роль я обычно играю? Ту самую, из-за которой Макс просто на пену от ревности исходил. Хочешь сказать, я и дальше буду этим заниматься? Быть, фактически, экономкой – только уже не при тебе, а при твоей жене? А не много ли чести какой-то Анне Лерой, чтобы княгиня Сонно ей прислуживала?

К моему удивлению, Август согласился:

– Да. Это проблема. Вот это – действительно проблема. Положим, обе вы получили титул по мужу, то есть она еще только получит, но... Но так нельзя, ты права. Давай попозже подумаем об этом?

– Не о чем думать. Я просто уеду.

– Куда?

– На Сонно, скорей всего. Все-таки это княжество моего сына.

– Отвратительное решение. Делла, мальчик вырастет очень быстро. Ему надо будет учиться...

– Август, у тебя скоро свои дети пойдут.

– И это повод сделать вид, что Огги мне чужой?

– Огги тебе чужой. Ты поиграл в крестного отца, но так продолжаться не может. Ты получил опыт, избавился от своих страхов, но дальше пойдешь своим путем, а мы – своим.

– Делла... – Август поднял взгляд и осекся. – Анна возвращается. Кажется, ей лучше. Тебе не кажется, что самое время нам всем принять таблетки и прийти в норму?

– У меня их нет.

– Ты же всегда их носишь с собой!

– Август, я не ношу их уже очень давно. Ты забыл – я сначала лечилась, потом забеременела, потом родила, и снова пришлось лечиться... Некоторым было совсем не до алкоголя, мягко говоря.

– Проклятье. Мне сейчас в аэропорт ехать, Алистера с Кейт встречать. А я заметно пьян.

– Ничем не могу помочь. Рискни отлучиться и промыть желудок, пока я буду болтать с твоей Анной.

– Спасибо. Я лучше поеду в аэропорт навеселе. Алистер видал и не такое, поймет.

Бледная, но ни капельки не подурневшая Анна аккуратно уселась на стул и виновато улыбнулась:

– Извините. Вино слишком крепкое было.

Скользнул официант, поставил перед ней чашку с чаем.

– Я, – она опустила взгляд, – я хотела попросить прощения за свой срыв. Мне очень больно, невыносимо больно все это вспоминать. Прошу вас, давайте сделаем вид, что ничего не было? И попробуем подружиться заново. Как будто мы только что встретились и ничего еще друг другу не сказали.

– Анна, ваш бывший муж замешан в крутом криминале. Если не в государственной измене.

– О Господи, – выдохнула она, – еще и измена. Делла, хотите верьте, хотите нет – я не знаю, где он сейчас. Это было какое-то помешательство, то, что случилось между нами. Я была совсем неопытной, а он решил, что я родственница сенатора Коллинза. На филфаке ведь все – дети из таких семей, банкиры и сенаторы... А у меня еще и внешность...

– На много миллионов, – подсказала я.

– Спасибо. Но я была самой простой. Я пришла учиться, я любила китайскую литературу. Тим... Тим вскружил мне голову. Я опомниться не успела, как уже была замужем. Потом... потом я потеряла ребенка, – она уронила слезинку. – Потому что увидела Тима с другой женщиной. А он во всем обвинил меня. Будто я нарочно обманула его. Он – мой кошмар и мое наказание. Потом я случайно узнала, что Тим часто ездит в Куашнару. Я так испугалась! Откуда только решимость взялась! Знаете, я вообще-то трусиха. Но когда я узнала... Тим – общается с диссидой?! Боже, я опомнилась только у судьи. Я бы развелась раньше, но Тим угрожал мне. Обещал избить, изуродовать даже. И меня, и того мужчину, который осмелится подойти ко мне. Сама не понимаю, как мне удалось. И Август... – она нежно погладила его по руке и улыбнулась. – Наш декан – очень хороший человек. Он мне как отец. Он тоже понимал, что Тим пошел по скользкой дорожке. И как мог, помогал мне. Я так боялась ошибиться, что про всех новых знакомых спрашивала у него – как он считает, это достойный человек? И когда я увидела Августа... Я почему-то сразу поверила, что он разведчик! Он такой, такой... – Она мечтательно возвела глаза к небу. – Сильный, уверенный, надежный. С ним не страшно. Я очень удивилась, узнав, что он историк. Но к тому моменту мне было уже безразлично, я поверила в него, доверилась ему. И не разочаровалась!

Она болтала и болтала, типично девичьи фразочки, рассчитанные на мужские уши. Я гадала: Август что, верит ей? Вот во все это слащавое вранье, будто из дешевого романа, – верит? Принцесса из черной башни дождалась принца на белом коне... Он улыбался ей – тихо, ласково. Мне никогда так не улыбался. Ну, он и не был влюблен в меня, чего уж там.

Быстрый перестук каблучков, и к нашему столику вихрем подлетела Мелви. Анна заткнула свой фонтан красноречия и уставилась на нее.

– Всем привет, – пробормотала Мелви и тут же полезла в сумочку.

– Ты чего такая запыхавшаяся? – удивилась я.

– Потом расскажу, – по лицу Мелви скользнула гримаска. – Сейчас... – Тут она подняла голову и уставилась на меня. Взгляд ее менялся от изумленного до откровенно неодобрительного: – Мать, ну ты прыгнула через голову.

– В смысле?

– Нет, я понимаю, послеродовая депрессия – это святое, имеешь право, но не до такой же степени! Ты на труп похожа!

– Я ночь не спала.

– Да ты и вчера не лучше была! Одета приличней, но и только. А сейчас... Ты нарочно, что ли?

– Конечно. Я собиралась зайти к судье и потом смотаться в горы. Побродить там в одиночестве. В рамках борьбы с депрессией. Походы в ресторан в мои планы не входили, но раз уж меня заставили – терпите.

Август лениво усмехнулся и вернул мне рюкзачок:

– Отлично. Таблеток у тебя нет, но ты пила, потому что они есть у Мелви. Насколько мне помнится, они ведь и от тошноты хорошо помогают? Счет один-ноль в твою пользу, разведчик.

Мелви скользнула взглядом по столу, отметила бутылку шампанского, бокалы.

– Понятно. Знаете что? Я вас разочарую: у меня тоже ничего нет. – Снова полезла в сумочку, но тут же раздраженно захлопнула ее и положила на стол. – Забыла. Да и черт с ним. Август, здесь дынный сок подают? Закажи мне, будь любезен.

Август поднял голову, кивнул официанту. Анна на мгновение отвлеклась. Тонкая рука Мелви нервно коснулась скатерти у салфеточницы, тут же взлетела к волосам. Тень от салфеточницы на скатерти чуть-чуть исказилась, но если не знать почему – в жизни не догадаешься. Разумно. Мы уйдем, официанты свернут скатерть и отдадут в стирку, жучка растворит мою-щая химия.

Мелви подали сок. Она сделала несколько жадных глотков, отставила стакан и снова критически поглядела на меня.

– Горы, говоришь... – протянула она с сомнением. – Вот что, мать: отставить горы. Дай мне минуту, я узнаю, кто из моих косметологов свободен прямо сейчас...

– Да куда я не пойду!

– А я тебя не спрашиваю. У меня еще две встречи сегодня, я тебя сдам в работу, а сама поеду... Потом заберу. И результат проконтролирую!

– Ничего, что у меня прямо сейчас встреча? Прямо здесь? – Я показала на Анну.

– И ты считаешь, что так уж нужна им? – Мелви фыркнула. – Ты на них погляди! Они только и ждут, пока ты уберешься восвояси. Им не до тебя, Дел.

– Зато мне до них. Анна летит вместо меня в Шанхай.

Мелви листала странички на наладоннике.

– Император огорчится, – сказала она. – Не зря ж он тебе автограф прислал.

– И мне есть дело до его огорчения?

– Нет-нет, ты неправа, – пробормотала она. – Так, один мастер свободен, записываю тебя... еще час до сеанса, успеем. Еще второго посмотрю... Дел, а чего бы тебе не пофлиртовать с императором? Я видела фото, он хорош собой. Молодой совсем. Холостой. Женщины

у него если и есть, то он их тщательно секретит, так что тебе точно никто не закатит сцену ревности, – она бросила красноречивый взгляд на Анну. – Притом не гей, как докладывают наши люди. Дел, ну правда? Та-акой поклонник! Будет что внучкам рассказать.

– Мелви, ты оглохла? Меня никто не спрашивает, чего я хочу. Я летела прицепом к Августу, но тут он решил, что я надоела ему и мешаю устраивать личную жизнь. Я там не нужна.

– Ну и дурак, – меланхолично заметила Мелви. – Это он там не нужен. Просто император не хотел светить личный интерес, поэтому приглашение на имя Августа прислал. Ему же доложили, что Август повсюду с тобой.

– Это тебе женская интуиция подсказывает? – осведомилась я.

– Отличный псевдоним, – похвалила Мелви. – Я ей передам при случае. Дел, в самом деле, – почему нет? Тебе не повредит какой-нибудь головокружительный роман, и чтобы все обзавидовались.

– Угу. Для начала, я уже завидую своим же фото годичной давности. Я похожа не на труп, а на смерть.

– А это мы сейчас живенько поправим... отлично, и у второго есть время. Сделаем из тебя красотку.

Август и Анна сидели как истуканы и синхронно переводили взгляд с Мелви на меня и обратно.

– Что ты поправишь?! Месяц пневмонии и полтора месяца сна урывками, по два часа в сутки?! Мелви, я вешу сорок два килограмма! Да я платье надеть боюсь, кости выпирают, как у анорексички!

– Не вопи, – попросила Мелви, – у меня в ушах звенит.

– Делла лететь не может, – встрял Август. – Она в это же время летит на Саттанг. Улаживать кое-какие личные вопросы с Патриком.

– И на фиг мне на Саттанг? Да я отсюда Патрику напишу, и дело с концом. Я все равно в ваших играх – марионетка. Разберетесь без меня.

– Но ты обязана убедить его, письма недостаточно...

– Я никому ничего больше не обязана! Все, решено, я никуда не лечу. Вообще. На Сонно полечу, вот.

Я даже лучше себя почувствовала, когда произнесла эти слова.

– Стоп, – спохватилась Мелви. – Я чего-то не знаю? Саттанг-то тут при чем? Разборки на Саттанге, ребята, это совершенно лишнее. Там едва-едва все наладилось.

Я своими словами пересказала план Августа. Он пару раз поправил меня. Анна смущенно улыбалась – ведь обсуждали, фактически, ее счастливое будущее герцогини Кларийской.

Мелви глядела на Августа недоверчиво и с заметным скепсисом.

– Август, и ты с утра пошел с Деллой к судье, чтобы зарегистрировать ваш индейский брак, а потом ты потащил ее сюда, знакомить с любовницей?! Деликатности и тактичности у тебя вагон, ничего не скажешь, хоть на вес сгружай.

– Я не любовница, – мяукнула Анна. – Поймите, у нас отношения...

– Чем быстрее мы со всем этим покончим, тем лучше будет для всех, – сказал Август. – И для Деллы тоже. Ни к чему тянуть.

– Тебе тянуть еще как придется, – Мелви одарила его гневным взглядом. – Самое малое три года. Август, ты, наверное, свихнулся. Ты сам-то хорошо понял, что собираешься сделать? Выстроена комбинация, устраивающая всех. Всех до единого. Договор заключен таким образом, чтобы не иметь никаких религиозных или дипломатических сложностей. То, что ты из шкуры выпрыгнул, – твои проблемы, ты-то даже по своему плану остаешься со всеми приобретениями. А за что корячилась Делла?

– Она получит компенсацию.

– Подавись ты своей компенсацией, мне нужно только, чтобы меня оставили в покое с вашими дурацкими императорами, женами и прочим барахлом!

– Делла, ты вообще заткнись. Август, ты забыл, какой статус у Деллы? Она же сакральная фигура!

– Мы решили, что инициатива будет исходить от Деллы, тогда выйдет, что она оставила меня, а не я ее.

– А-атлично! Ты, значит, будешь в свое удовольствие трахать блондинок, а Делла врать, чтобы тебя выгородить?! Маккинби, я тебя не узнаю. И кем ты собираешься заменить ее, а? Вот этой красоткой, ни слова не знающей по-индейски?!

– Но я ведь могу освоить язык хотя бы на базовом уровне... – робко вставила Анна. – Я понимаю, что на меня ляжет большая ответственность, и постараюсь справиться с обязанностями, вы не беспокойтесь. Индейцы – отсталая культура, женщины не играют роли в обществе. Я умею вести себя очень скромно, ведь нескромная жена позорит мужа. Кроме того, я знаю, что жена вельможи должна заниматься какой-то благотворительностью, конечно, я пожертвую на храм или на сироток, что там у индейцев прилично... Я узнаю, все узнаю, у меня ведь есть время!

– Превосходно, – Мелви не скрывала сарказм. – Мисс Лерой, а теперь слушайте и запоминайте. Имя Деллы Берг известно любому индейцу, где бы он ни был. Делла имеет титул великой колдуньи и статус названной сестры царя. Она награждена высшим мужским орденом славы Саттанга. Свое положение она доказала кровью, в буквальном смысле слова, убив в единоборстве хорошо обученного царского гвардейца. Она прошла все испытания, которые позволяют ей принимать почести великой колдуньи. У колдунов на Саттанге есть обязанности – это суд последней инстанции и обучение новым ремеслам и наукам. Любой индеец здесь имеет право обратиться к ней за судом и справедливостью, и Делла не вправе ему отказать.

– И сколько их за последние восемь месяцев обратилось... – пробормотала я.

– Делла вернула индейцам их величайшую святыню – статую Матери Чудес. Именно дух Матери Чудес, как считается, вселился в Деллу, чтобы принести рассвет на Саттанг. Это величайший подвиг. Она самостоятельная фигура. И пока она такая фигура, вам, мисс Лерой, ловить на Саттанге нечего. У вас даже слуг нет. Делла возглавляет совет старух. Она отлично знает законы и правду Саттанга. У Деллы есть маленькая команда, четверо индейцев и двое людей, которые ради нее пойдут на все. Даже с гордостью назовут себя ее рабами – по понятиям Саттанга, слуги те же рабы, только временно. И ее рабам, поверьте, завидуют очень многие свободные индейцы, потому что это почет. Они сделают ради нее все.

– Но если они такие преданные, может быть, Делла попросит их помочь мне? С языком, с культурными тонкостями... Мне ведь надо знать, как играть ее роль. Делла, вы ведь можете?

– А ху-ху тебе не хо-хо? – не выдержала я.

– Делла! – рявкнул Август. – Грубить не надо.

– И где я нагрubiла? А? Хоть одно слово? Слушайте, это уже наглость. Я всего в своей жизни добилась сама. И заплатила за это такую цену, какая вам и не снилась. И каждый раз находится нахальная краля, которая тянет ручки к моему и шепчет – ну ты же мне отдашь, правда? Я же хочу быть счастливой, это так справедливо, если я буду счастливой, а мне для счастья не хватает того, что есть у тебя, ну так отдай мне!

– На чужом несчастье счастья не построишь, – неожиданно жестко заявила Анна. – Все, что вы имеете, вы имеете как спутница и секретарь Августа. Вы не вправе претендовать ни на его имущество, ни на него самого. Вы много лет были его ассистентом, играли роль наиболее приближенной женщины и привыкли распоряжаться его имуществом как своим. А теперь он выбрал меня, и не в секретарши, а в жены, и ваша роль должна измениться. Теперь то, что вы делали, потому что не было меня, буду делать я. Я уже здесь, Делла, и вы можете отдохнуть. Так к чему эти слова? Вы научились – и я научусь. Я моложе вас, но не глупее же.

Мелви просто застыла.

– Неправда, – спокойно сказал Август. – Вклад Деллы огромен. Иначе этого разговора не было бы.

– Но вы же не любите Августа, – с улыбкой умудренной женщины сказала мне Анна. – Так и зачем за него держитесь? Деньги? Господи, да скажите, сколько вам нужно.

– И кто вам сказал, что я не люблю Августа? – я подалась вперед. – Август? А он не знает. Я влюбилась в него с первого взгляда. Потом молчала и притворялась все годы. Я стеснялась признаться! Ну, что?

– В конце концов, он не любит вас. Мне очень жаль, Делла, но насильно мил не будешь. Август любит меня, смиритесь с этим и постарайтесь сохранить достоинство.

Мелви три раза плеснула в ладоши. Лицо ее было хмурым и сосредоточенным.

– Мисс Лерой, гениальный спич. Делла, не вздумай давать Августу развод.

– Ну вот еще! Я сейчас же напишу Патрику! И пусть такая умная Аннушка попробует сунуть нос в отношения Патрика, моего брата, Дика Монро и Твина! Вот я обхохочусь! А уж они-то...

– Делла, успокойся, – потребовала Мелви. – Ты испортишь ей жизнь, а вместе с ней навредишь всей Земле. Все, хватит, покричала, теперь возьми себя в руки.

– Да она просто пьяна, вот и скандалит. – Анна скривила губки.

Я молча щелкнула ногтем по вазе с цветами, стоявшей на столе. У Августа вытянулось лицо.

– Я выпила один бокал. Первый. Если тут кто и набрался так, что до туалета дойти самостоятельно не мог, так это Анна. Август, я тебя предупреждала, что переиграть разведчика на его поле нереально.

Август на всякий случай проверил вазу. Ну да, она до краев была полна первоклассным французским брютом пополам с неочищенной водой для цветов. Ах, какой перевод продукта!

– Шикарно, – согласился он. – Мелви, спасибо, я услышал твоё мнение...

– Нет. Еще не услышал. Ты знаешь старое правило дипломатии? С дикарями возможны только два сценария: либо ты их покоряешь, либо ты говоришь с ними на равных, и тогда даже во сне считаешь их обычаи такими же достойными, как свои. Притворство чревато тем, что рано или поздно дикари всадят тебе нож в спину. Тебе – или твоей стране. Потому что они слишком дикие, чтобы простить предательство. Ты выбрал второй путь. Рекомендую вспомнить, что, согласно законам индейцев, ты не имеешь права развестись с Деллой так, что она останется одна. Да еще и с ребенком, который по их понятиям считается твоим. В лучшем случае старухи решат, что мисс Лерой опоила тебя и приворожила, а ворожба у них карается смертью. Ее забьют камнями, где угодно, хоть даже здесь. А ты лишишься всякого авторитета, что в понятиях Саттанга сам знаешь, чем пахнет. Патрик? О, Патрик, конечно, очень цивилизованный и к тому же наполовину человек. Вот только, Август, ты его здорово унизил. Патрик незлопамятный, и с совестью у него в общем порядок, только это не значит, что он все забыл. При первом удобном случае он мгновенно превратится в бессердечного индейца и сквитается с тобой. Он ведь имел виды на Деллу, а ты вмешался. Если хочешь развестись с Деллой, ты сам должен отыскать ей жениха не ниже себя по статусу, а лучше – выше. Кого-то из принцев, старше и влиятельней тебя. У тебя есть такой на примете, да еще и с условием, чтобы он понравился Делле? То-то и оно. Вторая проблема – Огги. По индейским законам это твой сын. Но Делла не отдаст его тебе. И чем ты объяснишь, что выгнал – а ты именно выгоняешь! – жену, да еще и отказался от потомства?! Тем, что втюрился в другую, моложе и красивее? – Мелви перевела дух. – На твоём месте я бы молилась, чтобы Делла и шанхайский император влюбились друг в дружку с первого взгляда и вплоть до потери инстинкта самосохранения. Да еще так, что Делла согласилась бы оставить сына на воспитание твоей прабабке. Вот такой сценарий – твой единственный шанс реализовать свой план.

Август отрицательно покачал головой:

– Нереально.

– Да не нужен мне никакой император! И никакой другой мужчина!

Кажется, мой жалобный вопль просто не услышали.

– Третья проблема – твоя семья. Август, ты считаешь, тебя поймут? Ты сам, полгода назад, рассказывал мне, как будешь заботиться о Делле и ее сыне. Ты прямо весь горел. Ты, именно ты не позволил ей снова сойтись с Максом. Оставим сейчас отношения Деллы с Максом, в конце концов, сломала бы она ему челюсть еще раз, и дело с концом. Но Берг, при всех его недостатках, точно не выгнал бы ее вместе с ребенком. Это ты заставил его демонстративно жениться на несчастной Иде, тем самым обрубив Делле все пути назад. Так? Так.

«Несчастливая Ида» – это что-то новенькое, только и подумала я. У меня уже голова шла кругом. Ну кашу заварила...

– Простите, мисс Сатис, – медовым голосом произнесла Анна. – Могу я задать один вопрос? Все здесь присутствующие имеют то или иное отношение к семейным проблемам. Они наши общие. А вы? На каком основании вы...

– Мелви Сатис – так меня называют только старые друзья. Мисс Лерой, мое полное имя – миссис Лайон Маккинби. Я замужем за одним из самых влиятельных членов клана. И уж кто-кто, а я точно имею право обсуждать ваши проблемы. Не советую ссориться со мной.

– О, миссис Маккинби, и в мыслях не держала. Просто хотела уточнить, чтобы не делать ошибок.

– Тогда советую уточнить у Августа, какое место в клане занимает Делла и почему ее нельзя потеснить с него точно так же, как с места первой леди Саттанга. Ну что вам какие-то примитивные индейцы, правда? А вот Маккинби – это серьезно. Спросите его, спросите, зачем им Делла и что они думают о ней. Кстати, Август, а ты уже придумал, что скажешь бабушке Дженнифер?

– Нет. – Он коротко вздохнул, положил ладонь на стол. – Ты права. Похоже, с разводом торопиться не нужно.

– Но, Август... – Анна вскинула брови. – Не может быть, чтобы препятствия были непреодолимыми! В конце концов, политика политикой, но мы же люди, а не какие-то паршивые роботы для забавы, нам нельзя ставить счастье выше выгоды. Ты достаточно богат, чтобы...

– Зашибись ты себе жену выбрал, – пробормотала я.

– Анна, препятствия на данном этапе непреодолимы, – коротко ответил Август. – Ладно, план оказался неверным, будем искать другие решения.

– Не надо было тебе торопиться с регистрацией этого индейского брака, – сказала Анна. – Оказался связан с хабалкой, которая небось сидит и считает, сколько денег с тебя можно получить.

Наверное, я бросила на нее хороший взгляд. Убедительный. Потому что Август мигом вскочил и поднял со стула меня, схватив за локоть.

– Мелви, вы собирались куда-то ехать? – сквозь зубы спросил он. – Пойдемте, я провожу вас. Вам пора, вы можете опоздать.

Мелви рассмеялась и легко встала:

– Конечно. Мы ведь услышали уже все, что хотели.

Я шагала деревянная, как тот самый робот, даже зубами не скрипела, хотя перед глазами все полыхало от гнева. Не заметила, как вышли на парковку и как перед нами остановилась машина Мелви, которую пригнал парковщик-индеец.

– Минуту, – пробормотала Мелви и быстро направилась к парковщику.

Мы остались вдвоем.

– Прими мои извинения за Анну, – сказал Август.

– Паш-шел ты...

– Делла, прости. И... спасибо тебе за эту провокацию. Узнал много нового.

– Доволен?

– Пожалуй, да.

– Тебе все-таки надо было жениться на Фионе Кемпбелл. Она еще хуже. Вот тут-то тебе и настало бы полное и окончательное счастье.

Его большие ладони легли мне на плечи. Жест был в целом братским, но у меня отчего-то подкосились ноги. Я раздраженно дернула плечом и попыталась удрать в машину. Август удержал.

– погоди, – попросил он. – Не беспокойся, я объясню Анне, в чем именно она ошибается. Пойми, для нее сегодня тоже тяжелый день, она знала, что нам предстоит, волновалась, а ты еще и подпоила ее... очень у тебя ловко получилось, я сам не заметил, что ты выливали вино... Ну пойми, пожалуйста.

– И почему, черт подери, всех должна понимать я?

Я подняла голову и посмотрела ему в лицо. Мелви вернулась и уселась в машину с таким видом, словно она посторонняя. Тихо загудел двигатель.

– А кто еще меня поймет, кроме тебя?

Август быстро наклонился надо мной, губы коснулись моей щеки. Так легко, так нежно... Сердце у меня оборвалось, а кровь почему-то бросилась в лицо. Я отпихнула его обеими руками и очень неуклюже нырнула в салон машины. Запуталась в ремне страховки, защемила дверью лямку от рюкзака... Август стоял и смотрел.

Машина тронулась. Я выдохнула и выругалась. Отбросила волосы со лба. Щека, которой коснулись губы Августа, все еще горела.

– Круто ты его озадачила, – обронила Мелви.

– В смысле?

– Выглядело шикарно. Особенно на фоне твоей роскошной реплики, мол, ты его всегда любила, только признаться стеснялась. Вот он сразу-то и призадумался!

– Было бы над чем думать.

– А тут ты еще и покраснела, как девица, поцелуя братского испугалась и убежала. В слезах.

– Что?

Я проверила глаза. Черт, действительно мокрые. Но это от злости, точно.

– Дел, если это игра, ты гений. Я не сумела бы так.

Я подумала и возмутилась:

– Ну естественно игра! Мел, останови у любой стоянки такси.

– Зачем?

– Ты ж не думаешь, что я действительно пойду марафет наводить?

– Думаю. И настаиваю.

– Мелви...

– Сегодня прилетает Берг.

Я на секунду потеряла дар речи.

– Берг, – повторила Мелви. – Буквально на сутки. Никто не знает, кроме меня. Он позвонил утром, попросил устроить встречу с тобой. Ему надо передать тебе какие-то сведения, он сказал, что офигенной важности и ты точно не сочтешь, что потратила время зря. Если сочтешь, разрешил мне застрелить его.

– Ой, гложут меня сомнения...

– Разумеется, остороженько так намекнул, что хотел бы увидеть сына, но это уж как ты сама решишь, ты, наверное, все еще обижаешься на него, так что он с пониманием, но хотелось бы, пусть издали...

Я не выдержала и рассмеялась.

– Ну я и подумала – не стоит тебе показываться перед ним в таком виде. А то сочтет несчастной, кинется утешать и не отклеится, даже если его облить растворителем.

Я прикусила губу.

– И вот что, Дел: я требую, чтобы ты отомстила этой крале.

– Да шла б она... с Августом вместе.

– Нет. Ты всегда плотала оскорбления. Типа ты выше этого. Хватит. Размажь ее в сопли. Ты можешь, я знаю.

– Да ну ее.

– Не «да ну». Дел, пока ты дурила голову Августу, я кое-что сделала. Ну я просто вовремя вспомнила, что ты для индейцев божество, и попросила ребят с парковки оказать великой колдунье маленькую услугу – проследить за Аннушкой. Заплатила, само собой. А пока говорила, прикола ради решила послушать, чем она занята в кабаке, одна-одинешенька. Может, рыдает, а может, тайком вискарь хлещет, чтобы нервы успокоить. Угадай, что она делала.

– Звонила знакомым в поисках киллера для меня.

Мелви несколько секунд молчала.

– Угадала.

Я похолодела.

– Только не знакомым, а своему боссу или куратору. Результат ее огорчил. Но ты готовься, какие-то действия с той стороны будут. Я тебе потом всю запись дам. Я сейчас одним ухом слушаю самое главное – о чем они с Августом треплются.

– Небось мне кости перемывают.

– Не без того. Полный набор бабских штампов типа «ты глаза раскрой, она ж лахудра и страшной смертного греха!».

– А то Август не знает.

Мелви снова помолчала.

– Знаешь, тебе будет интересно. Что-то там не так все однозначно. Ого...

– Что?

– Она спросила, любит ли он ее. Ответил в том духе... сейчас точно процитирую: «Для меня слово «любовь» – синоним слова «ложь». Я не использую его».

Эти же слова я сказала ему утром.

– О-о! Она пытается его на предмет отношений с тобой. Он говорит, что неважно, все уже в прошлом. Не пойму, кому цену набивает, тебе или себе. Не было там никаких отношений, чего намеки-то строить...

– Как это не было? А рабочие?

– Рабочие – это у меня с Кидом Тернером. А у вас всю дорогу были недолюбовные.

– Да черт с ними... Ладно, что делать будем?

– Я бы на твоём месте сама не лезла.

– Само собой. Йену позвонить? Это его профиль, девица связана с окружением Билла Николса. Я, кстати, Августу сказала, он даже ухом не повел.

Мелви тихонько выругалась сквозь зубы.

– Ты что?

– До меня только сейчас дошло... Не допускаешь варианта, что Август ведет свою игру? И мы ему сегодня все испортили на несколько ходов вперед? – спросила она. – Или, наоборот, хорошо подыграли? Было у меня впечатление, он задышал полегче, когда я Анне объяснила, какой камень преткновения этот долбаный Саттанг...

Я пожала плечами. Эмоции Августа легко считывают только те, кто недостаточно хорошо его знает. Считывают – и ошибаются. Сколько раз он меня в тупик ставил, а ведь, казалось бы, огонь и воду прошли вместе, даже в канализации тонули.

– А впрочем, наплевать, – сказала Мелви. – Кто у нас великий инквизитор, в конце концов... Будем решать твои проблемы, а свои он как-нибудь сам. Чего-чего, а убивать Августа эта курица пока не собирается...

– Этой курице приказали выйти за него замуж, она Августа беречь будет, как зеницу ока. Вот чем она его зацепила – понять не могу. Не сексом же. И не своей неземной красотой.

– Своим мощным интеллектом... А если банальный шантаж? И слушай, мать, нет у тебя ощущения, что нас сегодня обвели вокруг пальца дважды? Сначала Август, потом она? Не может она быть такой дурой, какой прикидывается. Не водится таких даже на филфаке. Эта-лонная ведь идиотка... В любом случае – опасная тварь. Обязательно позвони Йену. И еще кому-то из инквизиторов.

– Алиша Бетар?

– М-м... Она все-таки по части финансовых махинаций. Недолгий роман с Бергом повлиял, наверное.

– И что, Алиша не разберется, кого привлечь в помощь?

– Все-таки, на мой взгляд, лучше Рой Тенерли. Кстати, единственный достойный соперник Августу.

– Я не смогу быть с ним достаточно откровенной, а на допросе он меня не взломает, не сможет.

– Черт с тобой. Звони Йену, я звоню Алише.

* * *

Мне казалось, я качаюсь на волнах. Теплых, уютных, ласковых. Я наконец-то расслабилась и от сегодняшнего вечера ждала только хорошего.

Мы сидели в гостиной леди Памелы Маккинби. Зала с виду производила впечатление маленькой, однако в ней уместились все – леди Памела с мужем, патриархом клана Скоттом Маккинби, Мелви и генерал Лайон Маккинби, в штатском пиджаке и килте по случаю семейного сборища, а еще приехавшие с Твари на недельку Алистер Торн Маккинби и его жена Кейт. У них было уже трое детей, уставших от перелета и отправленных спать. И – Август с Анной Лерой. Решил представить семейству. А я сидела у камина, рядом с леди Дженнифер и Лейлой, эльфийской няней моего сына. Огги лежал тут же, в колясочке, и на удивление прилично себя вел.

О грядущем сюрпризе мы с Мелви предупредили только старших. Собственно, этим объяснялось присутствие леди Дженнифер и Огги – старушка вечера обычно одна, но тут пожелала присоединиться и настояла, чтобы я принесла малыша. Она была мудрой женщиной. Я сказала ей, что не возражаю, пусть Макс посмотрит на отпрыска, но мне не хочется ни в чем идти на уступки ради него. Она и посоветовала принести Огги загодя, как будто малыш всегда находится в гостиной при вечернем чаепитии. Мол, у нас так принято, и не ломать же традицию из-за Макса. Пусть, в самом деле, поглядит, заметила леди Дженнифер, может, мозги повернутся в нужную сторону, с неопытными отцами это случается.

Я впервые за последние полгода была довольна своей внешностью. Мастера, к которым меня отвезла Мелви, сотворили чудо. А главное – мне нарастили волосы. Чудовищно дорогая процедура, но я на нее разорилась. Два часа сидела, пока мне машинкой приклеивали волосок к волоску. Предлагали натуральные, но я выбрала синтетический волос на основе шелка, чтобы не донашивать чужое. Оттенок подобрали изумительно, совершенно незаметно было, что сначала у меня свои, а в десяти сантиметрах от корней уже искусственные. Небольшая задорная челочка подчеркивала взгляд. А главное, что я снова чувствовала себя защищенной. Я была словно в броне. На ужин я зачесала волосы назад, свернула неплотным жгутом и перебросила на грудь. Никаких заколок и шпилек. Максимум естественности. Легкий дымчатый макияж,

нежно-голубое кружевное платье чуть выше колена – кружево отлично скрадывало мою фее-рическую худобу – и длинные волосы. Снова мои длинные волосы.

Эффект я произвела сногшибательный. Разумеется, я знала, что Август приедет с Анной – подслушка и слежка работали. А вот он не знал, что я с собой сотворила. Он вошел – и застыл, глядя на меня. Застыла и Анна, и ее хорошенькое личико, от природы не приспособ-ленное для выражения дурных эмоций, отчетливо окаменело. Я сделала вид, что не заметила. Анна многословно извинилась за утреннюю сцену, мол, она и не представляла, что все так сложно, Август не посвящал ее в подробности, но теперь она понимает... и понимает, как с моей точки зрения выглядело ее поведение. Надеется, что я догадалась – она не желала мне зла, это просто от наивности и житейской неопытности. Я благосклонно улыбалась и делала вид, что ничего не произошло. Совсем ничего. И в салон, пока я отдыхала после массажа, ко мне не пришел визитер.

Я ждала его. И Мелви была наготове. Но кое в чем он застал нас врасплох.

Это был китаец.

Элегантно и богато одетый, средних лет, дьявольски уверенный в себе господин Тан. Окинул взглядом меня и Мелви, улыбнулся, сообщил, что хотел бы побеседовать со мной. Разумеется, мирно – он представляет наши возможности и отдает себе отчет, что мы скрутим его за секунду, будь он хоть с пулеметом, хоть с кун-фу, спасибо, если не сломаем ничего... Он присел подле меня на стульчик и повел вежливый разговор. Осведомился о здоровье моих близких, пожелал, чтобы Небо было милостиво к ним. Потом аккуратно перешел к теме визита. Он сказал, что не имеет намерения вмешиваться в мои личные дела, нет-нет. Речь строго о бизнесе. Бизнес никак не отразится на делах Федерации Земля, он преследует иные цели, но шум поднимать не надо, не надо. Да, он понимает, что я разведчик, и как ему доложили, пре-красный специалист, до последней капли крови преданный Земле, и кому, как не китайцу, отнестись с уважением к моим принципам, он ведь тоже старается ради процветания своей родины. Нет-нет, это не скажется на отношениях двух великих государств. Земля и Шанхай велики, так велики и могучи, что им ни к чему воевать, они могут поделить власть в галак-тике и жить мирно, а вот всякую мелочь не грех и потеснить. «Не вмешивайтесь, леди Берг, – говорил он практически без акцента, – не нужно. Проявите мудрость и дальновидность, и вы будете вознаграждены сторицей». Я поинтересовалась, что будет, если я откажусь. Он пожал плечами и объяснил, что тогда мои друзья и родные останутся без выгоды. Хорошей выгоды. Он готов учесть интересы тех, кто мне близок. Ему известно, что я сама не меркантильна, но мои близкие ведут крупный бизнес, конечно, всем станет лучше, если их позиция укрепитя и усилится. А личная жизнь... Я молода, и кто знает, как вознаградит меня Небо за то, что я с честью перенесу выпавшее мне испытание? Небо справедливо. Не стоит считать, что жизнь кончена, она только начинается. Со своей стороны он обещал пустить в ход все свое влияние, чтобы объяснить наивной девушке: нельзя быть непочтительной со старшими. Она не посмеет быть невежливой со мной, заверил господин Тан. Предложил мне подумать и ушел.

Честно говоря, после его визита я потребовала дополнительную процедуру – у меня внутри словно лед застыл, и надо было согреться. Мелви тоже порядком испугалась. Этот гос-подин не был курьером или посредником. За ним стояла, может быть, вся верхушка китайской мафии. Мне оказали честь, безусловно. То, что на встречу пришел крупный босс, означало, что со мной считаются как с крупной фигурой. Потому-то я похолодела. Пешка может улизнуть, а может стать ферзем. Ферзю деваться некуда.

Но сдаваться я не собиралась. Мы успели встретиться и с Йеном, который работал в Лон-доне, и с Алишей, которая срочно прилетела из Мюнхена. Идея Мелви привлечь индейцев была блестящей, теперь нам о передвижениях Анны Лерой и тех, с кем она встречалась, докла-дывали все таксисты Эдинбурга – ведь три четверти из них были индейцами, и каждый считал делом чести помочь великой колдунье.

Интересно, когда Август заметит, что его пассию взяли в плотную работу?

Пока он не замечал ничего. Вел себя с виду как обычно, вовремя вставлял уместные реплики в беседу, но я ловила на себе его задумчивый взгляд. Анна сверкала улыбкой и светскими манерами, но приняли ее с холодком, если не сказать больше. Даже леди Памела держалась не более чем вежливо, а леди Дженнифер ни разу не обратилась к Анне. Как будто ее не было.

А потом вошел Лур и шепнул что-то леди Памеле. Она кивнула и бросила в мою сторону осторожный взгляд. Я едва заметно кивнула в ответ, вынула Огги из коляски, взяла на руки, подошла к леди Дженнифер. Очень милая и естественная сценка. Старая леди улыбнулась праправнуку, я склонилась к ней... и в этот момент распахнулись двери.

– Миледи, милорд, – сказал Лур, – полковник Люкассен.

Тишина была стеклянной – тронь и разобьется. Я полуобернулась как раз вовремя, чтобы встретиться взглядом с Максом. Ох, хорош, мерзавец. Сбрил бороду, снова отпустил волосы – сейчас он гладко зачесал их в хвост – и форма была ему к лицу. Ну да, подлецу все к лицу, но прирожденному пирату – в особенности. Увидел меня, синие глаза вспыхнули искренней радостью и восхищением. Ну вот что ты будешь с ним делать, а? Дженни Ивер-Верона, моя соннская секретарша, как-то сказала про него: «Он похож на большого породистого кота. Он мурлычет у тебя на коленях, но одним глазом косит на сметану, которую ты припрятала себе на завтрак, а другим – на помойку, где тусуются кошки. Стоит тебе отвернуться, как он мигом сожрет твою сметану, потом сбежит на помойку, а утром вернется как ни в чем не бывало и скажет, что сделал это из любви к тебе».

Макс медленно обходил гостиную, здороваясь со всеми. В руках он держал огромный букет цветов, тем самым ловко избегая проблемы рукопожатия – я так понимаю, подозревал, что отнюдь не каждый из присутствующих захочет подать ему руку. Я стояла боком к нему, но отлично видела любое движение – и то, что Макс ни на миг не выпускает меня из поля зрения, даже когда смотрит в глаза собеседнику.

«Что-то случилось?» – нейтрально буркнул Август. «Да, кое-что надо уточнить. По нашему вопросу», – ответил Макс. «Ты надолго?» – спросил Август. «Нет, но разговор можно отложить на утро». Макс перешел к Алистеру. О чем они говорили, я почти не слышала, судя по всему, о чем-то специфическом и интересующем контрразведку. Отложили на полночь. Чмокнув Кейт в щечку, Макс подошел к Анне. «Полковник Люкассен, мисс Анна Лерой», – произнес Август. «Отличное платье, мисс Лерой», – сказал Макс и мигом раздел девушку глазами. Она позволила себе улыбку и проводила его долгим оценивающим взглядом из-под ресниц. Ох, Макс, доиграешься... Он расцеловал Мелви и чуть ли не по стойке «смирно» встал перед Лайоном. Тот внимательно оглядел его, кивнул с каменным лицом, мол, посмотрим на твое поведение. Макс поцеловал руку леди Памеле, поздоровался со Скоттом. «Все нормально, Скотт?» – «Да, – невозмутимо ответил тот. – Хочешь, можем поговорить об этом». «С удовольствием», – сказал Макс. – Есть идея». «Подойди к полуночи», – сказал Скотт. Макс наклонился к леди Дженнифер. Старушка вздернула подбородок и... звонко шлепнула его по лбу:

– Негодник! Всех обошел, а к Делле – последней?!

Макс виновато развел руками, глазами показал на букет, мол, для нее.

– Да что ей твои цветы? – возмутилась старая леди. – Золотом ее осыпать должен, а ты цветочками ограничился! И не ври, что и так все отдал ей, а сам каждый грош считаешь!

– Бабушка, – Макс картинно опешил, – это само собой, но не при всех же!..

Я закатила глаза, пряча смех. Анна следила за мной и за ним с подозрением. Интересно, разве Август не сказал ей ничего про Макса?

– Делла, покажи ему сына! – потребовала бабушка громогласно. – Из своих рук! Не вздумай давать подержать, пока не вымолит прощение!

Я повернулась, пряча лицо за макушкой Огги. Он как раз проснулся и завозился, хлопая младенческими еще сизыми глазами с длиннющими ресницами. Макс застыл как изваяние. Я не смогла сдержать горделивую улыбку – на, гляди, это мое произведение.

Макс прикрыл глаза, тихо улыбнулся и рухнул передо мной на колени.

Да. Макс остался Максом. И ни черта с ним не поделаешь.

Сколько раз я это видела, столько же раз ловила себя на мысли, что лучше бы высокородный паршивец играл, притворялся, изображал раскаяние. А Макс каялся искренне, абсолютно. Он совершил подлость, ему понадобилось какое-то время, чтобы осознать всю глубину своего падения, теперь Макса поедом ела совесть, и он просил у меня прощения. Будучи прощен, Макс продержится неделю, или даже месяц, или, если крепко возьмет себя в руки, целый год. А потом опять нашкодит, и коли все останутся живы, считай – легко отделались. Полковник Люкассен, ха-ха. Князь Сонно, будь он неладен, в химически чистом виде, наследственность у него такая. До обеда их светлость на работе, ведет себя прилично, а потом стакан портвейна хлопнет – и прошу любить и жаловать, потомственный авантюрист. Без приключений как без пряников.

И вот что с ним делать, с этим красивым гадом, который до сих пор меня любит?

Я посмотрела на старую леди. Та пожала плечиками:

– Что ты на меня глядишь? Сама думай, простишь его или нет.

– Даже боюсь, леди Дженнифер. Прошу, а он решит, что ему опять все можно.

– А ты не бойся, он и так решит.

Я засмеялась. Да, сегодня определенно мой день. Поудобней перехватила Огги, освободила одну руку, потрепала Макса по макушке. По теплой кудрявой макушке.

– Вставай, горе.

Макс красиво поднялся. Подошел вплотную, заглянул в лицо сыну.

– Делла, послушай... Копия ты!

– А говорят, на тебя больше похож.

– Поразительно... да нет же, нос явно твой, у меня длиннее...

– У всех детей носик маленький. У тебя ж дочь есть!

– Ай, – Макс отмахнулся. – Я ее два раза видел всего. Я на базе не бываю. Несколько месяцев просто жил на корабле. У нас там... сложно. Помню, что она была красная и сморщенная.

– Если новорожденная – тоже нормально.

Макс, естественно, потянул руку к ребенку. Я шлепнула его по кисти. Он отдернул лапу:

– Извини, просто не мог удержаться.

– Делла, ну ладно, оправдаем его частично и условно, – снова подала голос бабушка. – Дай поддержать. Глядишь, осознает, что стал отцом, и за ум возьмется. Макс! И не вздумай нос драть! Тебя не простили, тебе только аванс на будущее выдали!

Я кивнула. Старая леди, когда мы обсуждали план на вечер, сказала: «Делла, не беспокойся, я все возьму на себя. Макс мне правнук, и, конечно, он паршивец, но не могу же я совсем не любить его?»

– Вон кресло. Садись.

Я мигнула няне, она тут же постелила Максу на колени чистую пеленку. Я осторожно вложила ребенка в руки Макса.

– Делла, – слегка ехидно позвал Алистер, – а по индейским законам ты только что изменила мужу. Ты позволила другому мужчине коснуться ребенка, который по их поверьям еще часть тебя. Причем интимная часть.

– С каких это пор индианке нельзя дать поддержать ребенка слуге? – бросила я через плечо. – Алистер, не учи меня индейским законам, я скоро по ним экспертом стану.

– А Макс уже твой слуга?

– Именно! – весело отозвался Макс. – И документальное подтверждение есть. В бортовом журнале «Кондора», который я поднял с Саттанга. Ну и индейских – пачка. Договор о найме, упоминание в перечне приданого невесты и так далее. Я ее имущество.

Он внимательно изучал ребенка. Внимательно и восторженно. Огги полежал, потом тихонько хныкнул. Макс тут же встрепенулся. Я забрала сына.

– Что это он? Недоволен?

– Огги всегда недоволен. Весь в тебя. От горшка два вершка, а туда же – князь! Сейчас он еще в хорошем настроении, просто ему пора есть, вот он и напоминает.

Огги выслушал мой спич, разинул беззубый рот и завопил. Я понесла его в детскую.

Стоило выйти из гостиной, как меня тут же нагнала Анна.

– Леди Берг...

Похоже, господин Тан сдержал слово и сделал внушение повнушительней, чем мог себе позволить Август. По крайней мере, Анна резко заняла подобострастную позицию.

– Простите... наверное, я бестактна... просто я ничего не понимаю и очень, очень боюсь ошибиться...

– А что такое?

– Полковник Люкассен – он кто?

– Полковник – мой бывший муж и отец моего ребенка. А кроме того, если вы еще не догадались, он старший из правнуков леди Дженнифер. Ну и троюродный брат Августа.

– О-о... Как все загадочно. Просто я ни разу не слышала о вашем муже. Как будто он изгой.

Я резко остановилась и повернулась к Анне.

– Что вам нужно?

Она попятилась. Выглядело это довольно забавно, особенно если учесть, что она была очень высокой.

– Леди Берг, я думала, вы меня простили...

– И вы тут же кинулись дружить-дружить? Как мило! Анна, вы не видите, что у меня на руках ребенок? Не слышите, что он плачет? Вы другого места и времени для болтовни подобрать не сумели?

– Но...

Мартышка настырная.

– Передавайте мои наилучшие пожелания господину Тану.

* * *

Крепко прижав к себе расстроенного Огги, я вышла в сад и по садовой дорожке почти перебежала к Детскому Дому. Справа возвышался корпус, где мы с Августом обычно жили, приезжая в Пиблс; после родов меня отселили, мотивируя тем, что к Августу иной раз и ночью люди приезжают, бывает шумно. Я согласилась, тем более что Детский Дом был самым новым зданием в комплексе.

Санта встретила меня на пороге:

– За вами кто-то бежит.

– Объясни этой дуре, что сюда посторонним вход воспрещен.

– Я скажу Керу.

Полчаса обязательных хлопот, затем Огги вручили кормилице, и он затих, занявшись самым серьезным делом – едой.

– Макс приехал, – сказала я Санте.

Она неодобрительно покачала белой аккуратной головой:

– Так и не угомонился.

– А ты ждала чего-то другого?

Мы засмеялись. Индейский смех довольно неприятен, похож на лай, но у нечистокровных индейцев он звучит иначе. У метисов с людьми смех совсем обычный, а у тех, кто несет в себе каплю орочьей крови, он больше напоминает пыхтение. Санта знала об этом, поэтому запрещала мужу и его второй жене – чистокровным индейцам – громко смеяться при людях. Слуги в Пиблс считали, что Кер смеяться не умеет вообще, а Моника очень серьезная и стесняется эмоций. А Санта пыхтела в свое удовольствие.

– Что сказал Август? – спросила Санта.

– Ничего. Не исключено, что даже обрадовался. Он завел себе пассию и собирается жениться. Кстати, это она за мной бежала.

Санта застыла.

– Жениться? Не спросив тебя?!

Понятно. Это индеанка. У них двоеженство в порядке вещей, но вторую жену можно взять исключительно с разрешения первой. А чаще всего именно первая жена и выбирает своему супругу вторую. Так поступила Санта, найдя для Кера юную рыжую Моника, красивую и весьма неглупую даже по нашим меркам.

Я промолчала.

– А я тебе говорила, – проворчала Санта. – Я тебе говорила – почему ты не спишь с ним, он соскучится и найдет себе другую жену. А тебя оставит кому-нибудь из своих стариков или вовсе одну. Говорила? Говорила. А ты все отмахивалась. Вот и получила. Потому что мужу нужна радость с тобой ночью, а не только твоя забота днем. Ты же после свадьбы ни разочка с ним в одну комнату ночью не ходила.

– Да я и на свадьбе... только спала рядом.

Санта подбоченилась и посмотрела на меня с укором:

– Ты раньше не говорила об этом! Делла, так нельзя. Была бы у него вторая жена, спи хоть всегда одна. А ты? Глупая ты женщина, вот что я тебе скажу. Такая глупая, что даже умных не слушаешь.

Вот такая у меня домоправительница. Надо сказать, она честно предупредила: индеанки о себе высокого мнения, шею перед хозяевами не гнут и по любому вопросу имеют свое бесценное мнение. Мнение высказывают тут же, как только оно появляется. Индеанкам нельзя держать эмоции в кулаке, они от этого злые становятся.

– Дурацкая у меня судьба. Как проклял меня кто. Стоит в моей жизни чему-то появиться – тут же находятся желающие его отобрать. Вот был Макс. Ты помнишь Иду? Почти все подружки так себя вели. Еще и требовали, чтоб я уступила. И ведь я спала с ним. А толку? Август. Он вообще не хотел жениться. Он женщин-то боялся. Только перестал – и тут же нашлась желающая прибрать его к рукам.

– Так, может, дело в тебе? Не радуешься мужу?

– Санта, если бы только мужчин это касалось... Любой успех, чего бы я ни добилась, у меня стараются отобрать. Даже те, кому это ни к чему. Иногда мне на голову сваливается проблема, я с трудом справляюсь, только дух переведу – а у меня все отнять пытаются. Взять хоть княжество. Макс отдал его мне. Тут же появился его кузен и попытался меня убить. И с этой... красоткой не лучше. Знаешь, что она заявила? Что я должна обучить ее быть колдуньей, чтобы она могла занять мое место! То есть вот это место я сделала своими руками, а теперь должна отдать, только потому, что Августу приспичило покувыркаться с ней! Ей мало его постели, она хочет забрать все!

– Бабы все такие. Почти все. Я не такая, Моника, твои родичи не такие. Остальные – такие. Зачем трудиться, когда мужчину ублажи – и тебе без труда все достанется. Делла, а о чем еще ты говорила с этой женщиной? Может быть, не такая она плохая?

– Плохая, Санта. Боюсь, что она жадная. И еще она связана с дурными людьми. Мелви попросила индейцев проследить за ней, ты имей в виду, кто-нибудь может сюда прийти, чтобы рассказать об увиденном.

– Пусть приходят. А над тобой, Делла, нет проклятия. Просто ты настоящая колдунья. Такой не выучишься быть, надо родиться. Тебе ничего для себя не надо, поэтому тебе дают все – чтобы ты раздала это тем, кто больше нуждается. Или позаботилась, пока добрый хозяин не отыщется.

Мне стало грустно.

– Думаешь, мне надо уступить?

– Ну уж нет. Ты сама сказала – это дурная женщина. От дурных рук добро защищать надо, и это тоже колдунское дело.

– Ясно. Счастья мне не видать как своих ушей.

– Почему? Ты попроси у Матери Чудес, она и тебе даст. Только ты знаешь, чего просить? Вот подумай. Это другие могут просить просто добра, а тебе так нельзя. Ты должна точно сказать: дай мне вот это. Или вон то. Ты на Саттанге говорила, что утробу лечила. Значит, ребеночка хотела здорового да красивого. Ребеночка тебе дали. Разве это не счастье?

Я с недоверием усмехнулась:

– А теперь как? Вот что мне сказать? Хочу в мужья хорошего парня, верного, надежного, чтоб меня любил и я его любила? Санта, я ж обрядов не знаю.

– Тебе не надо, ты и так можешь. Ты внутри себя твердо реши, чего хочешь. Вот чего на самом деле хочешь, то тебе и дадут. А то есть такие, им кажется, что хотят царя или принца, а на самом деле хотят, чтобы муж их прихоти исполнял. Так цари-принцы прихоти-то не исполняют, на то они и цари.

– Мне прихоти не нужны.

– И вот что. Ты иди к гостям, я Огги сама уложу. А ты иди. Потому что нельзя найти мужа, когда из дома не выходишь совсем. Ждешь, чтобы сам пришел?

– Хорошо бы.

– Ты не шути, а головой думай. И спать сегодня ложись в старой комнате. Туда еще может прийти хоть кто-то. Сюда не пойдут, чтобы ребенка не будить. Ложись там. Не придет никто, так выспишься. А с Огги мы управимся. Иди, и чтобы до утра я тебя не видела.

Вот так. И поди возрази этому сержанту в юбке. Старший стюард на боевом корабле в случае гибели интенданта заменяет его и берет на себя распределение боеприпасов. Санта на Саттанге вела себя смирно и подчиненно: надежный помощник, верный товарищ, ничего более. Объяснила: земля предков, индейские законы, женщина знает свое место и не претендует на лишнее. Чего эта белокурая бестия стоит на самом деле, я поняла, только когда мы выбрались на федеральную территорию. С ней было спокойно. Она ведь позвала Кера встать у двери, чтобы самой не разбираться с Анной и сторяча ей в лоб не заехать, это некрасиво может получиться.

Я вышла в холл, кивнула Керу.

– Ждет в тени, – сказал он. – Войти не пыталась.

– Понятно.

На улице уже стемнело, я включила садовый свет. Открыла дверь. На скамейке под деревом кто-то был; завидя меня, фигура в светлом платье поднялась. Анна, черт бы ее побрал. Я сосчитала до десяти и вышла на крыльцо, плотно закрыв дверь.

– Леди Берг! – Она уже умоляла, в голосе слышались слезы. – Пожалуйста, послушайте меня! Если вы мне не поможете... Я не знаю, что мне делать. Я запуталась, я всего боюсь, я ужасная трусиха и даже не знаю, к кому мне обратиться!

– Почему бы не к Августу? В конце концов, он вроде как ваш жених.

– Нет, – она помотала головой. – Я совершила ужасную глупость сегодня утром... Но поймите, я видела ситуацию совсем не так! Август сказал, что вы гиперответственны и дисциплинированы. Что вы никогда не скажете «нет», если на вас взвалить задачу. А все вокруг только этим и пользуются. И даже за него вы отвечаете. Вы хлопчете над ним, как мать, а ведь у вас свой малыш. И вы просто уже разрываетесь между всеми. Поэтому будет лучше, если часть ваших проблем возьму на себя я. И... леди Берг, простите, но я же вправду думала, что вы только из гордости тянете на себе этот воз. Из гордости и из уверенности, что никто не захочет старательно обучиться тому, что вы умеете. И что сам Август вам надоел, но вы не можете его бросить из-за этого индейского брака. А вы не хотели, он это тоже сказал. Вы хотели быть свободной, но из-за того, что он ошибся, проблему пришлось решать вот так. Вы сделали над собой чудовищное усилие, но справились. И вы так великодушны, что ни разу не упрекнули его, что он связал вас по рукам и ногам.

«Что ты с ней нянчишься? Она же села тебе на шею и погоняет, а ты все терпишь! Будь мужчиной, наконец, а не тряпкой!» Я отлично помнила эти ее слова, сказанные Августу, когда мы с Мелви уехали.

– Анна, я не собираюсь помогать вам. У меня своих забот полон рот.

– Но что же мне делать?!

– Сядьте на землю и разрыдайтесь.

Она застыла, широко распахнув карие глаза. Опять зависла, как тогда в ресторане. Легко ее ошарашить, но потом она собирается и идет в атаку, это я помню. Упорная девица. Ее бы упорство да в мирных целях...

– Вы шутите?

– Нет, издеваюсь. Спросите у Августа – я всегда издеваюсь. Нравится мне это занятие.

Она потрясла головой.

– Нет, нет... А что будет, если я так сделаю?

– Здесь полно персонала, хотя он приучен не показываться на глаза. Кто-нибудь услышит ваши рыдания, придет и поможет. Правда, с точки зрения персонала, столь бурные эмоции позволяют себе лишь упившиеся в стельку люди, это позорное поведение, а от позора надо беречь. Поэтому вас отведут в вашу комнату, если вам таковая выделена, и уложат спать. Если комнаты вам не выделили, слуги вызовут такси и отправят вас в город.

– Но... Я не знаю, Август ничего не говорил про комнату. Наверное, мы будем ночевать в его комнате, где же еще. А она наверняка заперта...

– Значит, вас отправят в город.

– Даже не спросив Августа?!

– Конечно. За вас придумают вежливое объяснение, мол, вам сделалось нехорошо и вы захотели побыть в одиночестве. Поэтому покинули собрание, а хозяевам велели передать ваши извинения.

– Но ведь я его невеста!

– Да хоть жена.

Я снова пошла к главному корпусу. Анна, помедлив, зашагала рядом.

– Какие странные обычаи.

– Анна, еще раз. Для тупых, – жестко сказала я. – Просвещать вас относительно обычаев семьи и дома, рассказывать байки и семейные тайны – прямая обязанность Августа. Не моя. Понятно?

– Но он все время так сильно занят!

– Тогда у вас два пути. Либо наберитесь терпения, либо найдите себе менее загруженного мужчину. У Августа свободного времени не было никогда.

– Неправда! Когда мы познакомились, он всегда находил его для меня! И так было, пока мы не переехали на Таниру! Ужасное место, зачем он там живет...

«Мы». Хорошо сказано.

– Так подите и скажите это ему.

– Я боюсь, что мы можем... нет, не посориться, мы слишком сильно любим друг друга и никогда не посоримся, но просто ему будет неприятно.

– Поэтому вы говорите это мне? Анна, я не понимаю – вы считаете, что это я отбираю его время, которое вы безосновательно считаете своим? Его время, его внимание, каждое его слово, которое могло быть обращено к вам, а обращено ко мне?

– Ну... нет, вы неправильно меня поняли. Леди Берг, я... Я хотела сделать вам предложение. Я очень сочувствую вам, я отлично понимаю, что вам одиноко. Мне говорили, что женщина с младенцем чувствует себя оторванной от мира... Ей тогда почти все равно, с кем болтать, лишь бы не выпадать из общества. А ребенок плачет, накапливается гнев, его срывают на домашних... Давайте, я буду вас развлекать? Не Август, а я? Я веселая, правда. И очень терпеливая. Я даю вам слово, что ни капельки не буду обижаться на ваш гнев или досаду, я ведь понимаю, что не я тому причина, а ваша усталость и одиночество. Хотите, я буду рассказывать вам про китайскую культуру? Вы ведь не смогли доучиться в магистратуре. Наверное, тому были причины, материал ведь чрезвычайно сложный, а вы были в таком интересном положении... Я смогу все рассказать очень доходчиво! Я буду гулять с вами по горам...

Я остановилась и скрестила руки на груди.

– Анна, я с куда большим удовольствием болтала бы с вашим куратором, господином Таном. Я в восторге от его манер и общей культуры. Про вас я такого сказать не могу, увы.

Ее лицо исказилось ужасом, она даже попятилась и руками замахала.

– Нет! Вы не знаете, что говорите! Тан – самое ужасное чудовище, какое я видела! Он... да, он гладко говорит. Но он садист, он... Он пытается невинных людей! Он... – Она всхлинула. – Я думала, он оставит меня в покое. У меня больше нет ничего, что ему хочется прибрать к рукам. Мой муж... я не смогла сказать правду в ресторане, ведь там был Август. На самом деле мы развелись из-за Тана. Это он потребовал, чтобы Тим бросил меня. Тим его боготворит. Он как загипнотизированный. Делает все, чего попросит Тан. Однажды он пришел вечером с этим китайцем и сказал – ты ляжешь с ним. Я хотела броситься из окна, но они вдвоем связали меня... – Она заплакала. – Я не смогу, никогда не смогу рассказать этого Августу. Вы женщина. Вы никогда не испытывали подобного, по вам видно, и я поберегу вас от подробностей, но любая женщина может понять другую, которой не повезло...

Я не понукала ее. Зачем? Она гонялась за мной весь вечер именно для того, чтобы все выболтать.

– У меня были деньги, наследство от прабабушки. Тан потребовал, чтобы я отдала их мужу и убиралась из его жизни. У них секта, они так со всеми женщинами поступают. В секту принимают только мужчин, а женщины для них просто расходный материал. Я отказалась. Тогда они заперли меня в клетке во дворе, где гуляли огромные злобные псы. Не сомневаюсь, они достали бы меня даже через решетку, прутья стояли слишком редко. Целых пять часов я сидела неподвижно, чтобы не привлекать внимания собак, у меня затекло все тело... Это настоящая пытка! И... я отдала все, что они требовали. Наверное, вы скажете, что я трусиха. Но я не могла больше этого выносить. Я самая обычная девушка, мне нужна защита, забота, я не могу бороться с целым миром. Когда я встретила Августа, я подумала: вот мужчина моей мечты. Он никогда не бросит меня в беде. Я... я была счастлива, по-настоящему! Август говорил, что немного поможет вам, а потом мы поженимся. Я верила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.